

1-го Апрѣля № 7. 1865 года.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ
СВЯТѢЙШАГО СѦНОДА.

Государь Императоръ, по положенію Комитета Министровъ, вслѣдствіе представленія Святѣйшаго СѦнода, основаннаго на ходатайствѣ херсонскаго епархіальнаго начальства, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 12 день февраля сего года, наградить діакона колоніи Большаго Буялыка, одесскаго уѣзда, *Антонія Ламброва*, серебрянною медалью съ надписью «за усердіе» для ношенія на груди на Александровской лентѣ, за труды по части народнаго образованія.

— Святѣйшій СѦнодъ, согласно съ представленіемъ херсонскаго епархіальнаго начальства, разрѣшилъ уволить священника одесскаго уѣзда, заштатнаго города Овидіополя, Николаевскаго собора, *Теодора Пономарева*, за границу, для поклоненія Гробу Господню и другимъ святымъ мѣстамъ въ Палестинѣ, срокомъ на четыре мѣсяца.

II. РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Безмѣстный священникъ *Григорій Истоминозъ* опредѣленъ, ананіевскаго уѣзда, въ селеніе Лидіевку, къ Богородичной церкви.

— Заштатный священникъ, херсонскаго уѣзда, пригорода Бересниговатого, Николаевской ц., *Григорій Петровзъ* уволенъ отъ должности духовника, а на его мѣсто духовникомъ назначенъ пригорода Батуринца, Покровской ц., священникъ *Аристархъ Илличевскій*.

— Херсонскаго уѣзда деревня Христофоровка, принадлежавшая къ приходу Покровской церкви села Песокъ, — за дальнимъ разстояніемъ отъ сей церкви, отчислена отъ сего прихода и причислена къ приходу Петропавловской ц. села Балацага.

— Отставной губернской секретарь *Алаонзъ Вергелесовзъ* избранъ и утвержденъ церковнымъ старостою, при бобринецкомъ Николаевскомъ соборѣ, на первое трехлѣтіе.

— Крестьянинъ *Стефанзъ Запорожченко* избранъ и утвержденъ церковнымъ старостою, одесскаго уѣзда, селенія Аджигола, при Успенской ц., на первое трехлѣтіе.

— Николаевскій мѣщанинъ *Сергій Баранцовзъ*, избранъ и утвержденъ церковнымъ старостою, одесскаго уѣзда, села Нечаяннаго, при Преображенской ц., на третіе трехлѣтіе.

— Николаевской мѣщанкѣ *Парасковья Ершовой*, за побѣгомъ втораго мужа ея, Ивана Ершова, дозволено вступить въ новое супружество съ безпрепятственнымъ къ тому лицомъ;

а Иванъ Ершовъ, если бы явился, оставленъ навсегда въ безбрачномъ состояніи.

— Солдаткѣ *Евдокія Третійчуковой*, за побѣгомъ мужа ея, безсрочно-отпускного бомбардира Кодрата Третійчука, дозволено вступить въ новый бракъ съ безпрепятственнымъ къ тому лицомъ, а ему, Кодрату Третійчуку, если бы отысканъ былъ, или самъ явился, опредѣлено оставаться навсегда въ безбрачномъ состояніи.

— Солдаткѣ *Ириня Топало*, за побѣгомъ мужа ея, рядового Ивана Топало, дозволено вступить въ новое супружество съ безпрепятственнымъ къ тому лицомъ, а ему, Топалѣ, если бы отысканъ былъ, или самъ явился, опредѣлено оставаться навсегда въ безбрачномъ состояніи.

— Бобринецкаго уѣзда селенія Устиновки, Преображенской ц., священникъ *Григорій Сьмашкевичъ*, и херсонскаго уѣзда, пригорода Бересниговатого, Николаевской ц. діаконъ *Августинъ Креминскій*, за смертію, исключены изъ списковъ.

III. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Находящаяся въ одесскомъ кафедральномъ соборѣ Касперовская чудотворная икона Божіей Матери, 7-го апрѣля, въ четвертый день свѣтлой седмицы, имѣеть быть спровождена обратно въ селеніе Касперовку — крестнымъ ходомъ до приморской гавани, гдѣ передана будетъ на пароходъ.

О ПОЖЕРТВОВАНІЯХЪ.

Бобринецкаго уѣзда селенія Большой Выски, въ Преображенскую церковь, пожертвовали: дворянинъ *Владиміръ Лесли* двѣ катапетасмы, стоящія 65 руб.; вахмистерша *Іуліанія Будулатьева* и поселянка *Дарія Визирева*—три воздуха, стоящіе 18 руб.; жители селеній: Большой Выски, Марьяновки и Петровки пожертвовали четыре большихъ подсвѣчника, стоящіе 135 руб., устроили царскія врата, стоящія 100 руб., черное одѣяніе на престолъ и аналогіи — цѣною въ 20 руб., двухъ-ярусное паникадило, стоимостію въ 253 руб.; поселянинъ *Ілія Кошовенко* 10 руб.; поручикъ *Яковъ Слюсаренко* 1 руб.; вахмистръ *Филиппъ Вербовецкій* 6 р.; обществомъ деревни Марьяновки сооруженъ выносной деревянный крестъ, стоящій 25 руб.; дочь помѣщика Булацеля — *Поликсенія* пожертвовала вѣнцы, стоящіе 10 руб.; обществомъ селенія Большой Выски починены въ церкви полъ и крыша, съ употребленіемъ на это 91 руб.; — на обновленіе иконостаса пожертвовали: помѣщикъ *Михаилъ Булацель* 15 руб.; маіоръ *Линдинеръ* 1 руб.; коллежскаго регистратора *Леонтія Ревы* дочь *Софія* 15 к.; вахмистръ *Николай Подльснй* 3 руб.; вахмистерша *Іуліанія Будулатьева* 4 руб.; вахмистръ *Филиппъ Вербовецкій* 1 р.; крестьянка *Евфросинія Майстренкова* 3 р.; крестьянка *Акилина Мельникова* 1 руб.; поселяне: *Матвей Визирь* 1 руб.; *Кононъ Матвѣенко* 20 коп., *Евдокія Германчица* 40 к., *Аванасій Макаренко* 1 р., *Евдокія Макаренкова* 1 р., *Теодоръ Кудинъ* 50 к., *Александра Бобрышева* 50 к., *Анна Погони* 20 к.; высковское общество 39 р. 40 к.; марьяновское общество 25 р. 50 к.; петров-

ское общество 15 руб. — Тираспольскаго уѣзда села Муловатой, въ Успенскую церковь пожертвовали: священникъ *Андрей Пржегалинскій* 2 копя съ слоновыми рукоятками, стоящія 2 р. 60 к.; крестьянинъ *Теодоръ Урстя* на престольный крестъ съ подножіемъ, стоящій 12 р.; онъ же малое евангеліе въ бархатной обдѣлкѣ, стоящее 5 р.; унтеръ-офицеръ *Максимъ Бугаевъ* — кадильницу, стоящую 2 руб.; сельскій староста *Лонинъ Алексѣевъ* — хоругвь, стоящую 12 руб. 50 к.; государственный крестьянинъ *Левъ Исаковъ* — хоругвь, стоящую 12 руб. 50 к.; обществомъ прихожанъ полное священническое облаченіе, стоящее 50 р.; дубоссарская мѣщанка — коверъ, стоящій 5 р. — Всего на сумму 101 руб. 60 к.

О ВАКАНТНЫХЪ МѢСТАХЪ.

ПРАЗДНЫ МѢСТА :

Протоіерейское — въ г. Тирасполѣ, при Николаевскомъ соборѣ.

Священническія: александрійскаго уѣзда, въ селеніи Золотаревкѣ, при единовѣрческой Ильинской ц.; въ селеніи Зыбкомѣ, при единовѣрческой Покровской ц.; бобринецкаго уѣзда, въ селеніи Устиновкѣ, при Преображенской ц.

Дьячковскія: въ г. Одессѣ, при Александринской, что при институтѣ, ц.; въ г. Херсонѣ, при Николаевской, что при тюремномъ замкѣ, ц.; александрійскаго уѣзда, въ селеніи Михайловкѣ, при Николаевской ц.; въ сел. Березовкѣ, при Юсифовской ц.; херсонскаго уѣзда, въ урочищѣ Широкой Балкѣ, при Покровской ц.

Пономарскія: въ г. Одессѣ, при Рождественской, что

при больницѣ, ц.; въ г. Новомиргородѣ, при Николаевскомъ соборѣ; въ г. Одессѣ, при Воскресенской ц.; херсонскаго уѣзда, въ селеніи Ивановѣ, при Предтечинской ц.; въ сел. Касперо-Николаевѣ, при Николаевской ц.; въ селеніи Николаевѣ, при Михайловской ц.; въ селеніи Себеномѣ, при Михайловской ц.; въ селеніи Гурьевѣ, при Покровской ц.; александрійскаго уѣзда, въ селеніи Васильевѣ, при Васильевской ц.; въ селеніи Березовѣ, при Юсифовской ц.; въ селеніи Михайловѣ, при Николаевской ц.; ананіевскаго уѣзда, въ селеніи Кумаревой, при Димитріевской ц.; бобринецкаго уѣзда, въ селеніи Девиловѣ, при Св.-Духовской ц.; въ селеніи Николаевѣ, при Благовѣщенской ц.; въ сел. Синюхиномъ Бродѣ, при Михайловской ц.

ОТЪ ДУХОВНО-УЧЕБНАГО УПРАВЛЕНІЯ.

Вдова дѣйствительнаго статскаго совѣтника, Анна Николаевна Масальская предлагаетъ для духовно-учебныхъ заведеній изданныя ею «Дружескія письма графа М. М. Сперанскаго къ П. Г. Масальскому», съ приложеніемъ написаннаго Сперанскимъ «Браткаго очерка священной исторіи и ученія христіанской вѣры», съ уступкою 20% изъ назначенной за сію книгу цѣны — 80 коп. за экземпляръ; дѣйствительная статская совѣтница Масальская имѣетъ жительство въ С.-Петербургѣ, на Литейномъ проспектѣ, въ домѣ 2-го отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи.

— Составленная полковником Полторацкимъ и капитаномъ Ильинимъ, карта «Европейской Россіи», по вниманію къ отличнымъ достоинствамъ ея, признана ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія полезною для употребленія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Карта эта, наклеенная на холстѣ, продается по 2 руб. за экземпляръ.

Изъ редакціи Черниговскихъ извѣстій могутъ быть получаемы книги :

1) *Православное догматическое богословіе* въ 2-хъ частяхъ. Сочиненіе Филарета, архіепископа черниговскаго. Черниговъ, 1864 г. Цѣна обѣимъ частямъ: въ корешкѣ, съ портретомъ автора 3 р. 40 к., безъ пересылки; въ бумажкѣ, безъ портрета 2 руб. 70 к., тоже безъ пересылки.

2) *Исторія русской церкви*. Періоды: I, II, III, IV и V. Изданіе 4-е. Черниговъ, 1862 г. Цѣна 3 руб. сер.; за пересылку прилагается за 3 фунта. Отдѣльно 1 періодъ, 1 руб. съ пересылкою.

3) *Слова и бесѣды*, въ 4 частяхъ. Черниговъ, 1863 г. Ц. 3 р., и за пересылку за 2 фунта.

4) *Дугъ духовный*, блаженнаго Іоанна Мосха. М. 1853 г. Ц. 1 р. 50 к., за пересыл. за 2 фун.

5) *Бесѣды о страданіяхъ Спасителя*, въ 2 частяхъ. М. 1857 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пересылкою.

6) *Гласъ Божій къ грѣшнику*. Черниговъ, 1860 г. Ц. 40 коп. съ пересылкою.

7) *Историческое учение объ отцахъ церкви.* Ч. 1—3
Спб. 1859 г. Ц. 4 р. безъ пересылки.

8) *Описание харьковской епархіи,* въ 5-ти отдѣленіяхъ. М. 1857 г.; за каждое отдѣленіе 75 коп. сер. съ пересылкою.

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ

къ

ХЕРСОНСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВЪДОМОСТЯМЪ.

20-го сего апрѣля его высокопреосвященство Димитрій, архіепископъ херсонскій и одесскій, по телеграфу изъ С.-Петербурга, получилъ слѣдующее извѣщеніе отъ господина оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода: «Манифестъ полученъ, Святѣйшимъ Синодомъ опредѣлено: возносить на эктеніяхъ: о Наслѣдникъ Благовѣрномъ Государь Цесаревичъ и Великомъ Князь **АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.**

О чемъ объявляется по херсонской епархіи къ исполненію.

БЕСѢДА 6-я

Высокопреосвященнѣйшаго Дмитрія, архіепископа херсонскаго
и одесскаго, на вечерній 140-й псаломъ.

*Не уклони сердце мое въ слова лукав-
ствія пещевати вины о грѣсѣхъ.*

Одно изъ пагубныхъ послѣдствій грѣхопаденія прародителей нашихъ есть лукавая наклонность сердца нашего къ самооправданію, къ извиненію себя во грѣхахъ. Когда Господь Богъ спросилъ перваго грѣшника: *кто возвѣсти тебѣ, яко нагъ еси, аще не бы отъ древа, еиже заповѣдахъ тебѣ сего единого не ясти, отъ него ялъ еси?* онъ не обвинилъ себя, какъ бы слѣдовало, не сказалъ, что согрѣшилъ неизвинительно, преступивъ заповѣдь, которую принялъ отъ устъ самого Господа, но сказалъ: *жена, юже ми далъ еси со мною, та ми даде отъ древа, и ядохъ.* Равнымъ образомъ и жена, на вопросъ Господа: *что яко сотворила еси сіе?* отвѣчала не раскаяніемъ и молитвою о прощеніи, а сложеніемъ вины своей на змія: *зміи прельсти мя, и ядохъ.* Слѣдствіемъ сего было то, что грѣхъ, не извергнутый тотчасъ изъ сердца искреннимъ покаяніемъ и чистосердечнымъ исповѣданіемъ, не очищенный слезами

горькаго раскаянія, остался въ душѣ грѣшника и породилъ въ ней злую наклонность не только къ новымъ грѣхопаденіямъ, но и къ самооправданію во грѣхахъ; и эта злая наклонность сдѣлалась прирожденною всѣмъ потомкамъ Адамовымъ, стала наслѣдственною ихъ болѣзнію душевною. Посему-то правосудіе Божіе и осудило не только самого праотца, но въ лицѣ его и все человѣчество на труды, болѣзни и печали во всю жизнь до смерти. Тяжкая эпитимія, но совершенно заслуженная и справедливая!

Единородный Сынъ Божій, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, принявъ на себя вину нашу, открылъ намъ путь къ возстанію и исправленію. Воспріявъ на Себя естество наше, Онъ сталъ для насъ новымъ Адамомъ, отъ котораго мы можемъ принять оправданіе жизни, какъ отъ перваго наслѣдовали осужденіе смерти. Но, очевидно, что это оправданіе мы можемъ получить не подражаніемъ Адаму первому, а инымъ путемъ, который указалъ намъ Адамъ второй, — не извиненіемъ, а осужденіемъ себя, — не самооправданіемъ, а искреннимъ покаяніемъ: *покайтесь и вѣруйте во Евангеліе.*

Уже по сему одному можете судить, брат. мои, какъ пагубна для насъ наклонность къ самооправданію, какое преступное лукавство *непощевати вины о грѣсѣхъ своихъ.* Оно дѣлаетъ для насъ совершенно невозможнымъ оправданіе во Христѣ Іисусѣ. Доколѣ не побѣдимъ въ себѣ сей злой склонности, дотолѣ самое таинство покаянія не можетъ очистить и оправдать насъ, и самая исповѣдь наша остается бесплодною. Ибо гдѣ начало и корень самооправданія? въ самолюбіи и гордости, которая есть первый врагъ нашъ — источникъ и корень всякаго зла. Что производитъ самооправданіе? тоже, что произвело оно въ падшихъ духахъ, — нераскаянность и совершенное безчувствіе во грѣхахъ,

взаимную неприязнь и вражду въ отношеніи къ другимъ, ожесточеніе предъ Богомъ и неминуемо слѣдующее за тѣмъ отверженіе отъ Бога.

Нѣтъ сомнѣнія, что виною всѣхъ грѣховъ нашихъ мы сами, и одни мы. Господь Богъ даровалъ намъ разумъ, который всегда можетъ различать доброе отъ лукаваго, если не помрачить его самолюбіе. Чтобы и разумъ нашъ не могъ заблуждать и ошибаться, Онъ даровалъ намъ законъ Свой и святое слово Свое, при свѣтѣ коего разумъ можетъ безошибочно познавать, *что есть воля Божія, благая, угодная и совершенная*. Чтобы всякая мысль наша, всякое слово и дѣло было собственно нашимъ, Господь даровалъ намъ свободное произволеніе, которое не подчинено никому и ничему въ мірѣ, кромѣ высочайшей воли Божіей: но и Самъ Господь не обладаетъ нашею свободою безъ насъ, напротивъ оставляетъ насъ совершенно *въ руцѣ произволенія нашего*. Кто можетъ убѣдить насъ, что черное бѣло, дурное хорошо, незаконное законно, если мы сами не помрачимъ своего разума самолюбіемъ и страстями, если не уклонимся произвольно отъ свѣта слова Божія? Кто можетъ заставитьъ насъ сдѣлать что-либо, чего не захочемъ сдѣлать сами? Люди могутъ связать намъ руки, — но не могутъ связать нашей воли; могутъ отнять у насъ все, даже самую жизнь тѣлесную, но не могутъ отнять нашей свободы. Самъ діаволь можетъ только прельщать и склонять насъ, но не можетъ принудить ни къ чему. Посему-то совѣсть наша такъ чутко предостерегаетъ насъ, какъ скоро появляется въ душѣ нашей какая-либо недобрая мысль; такъ тревожно беспокоитъ насъ, какъ скоро эта мысль превращается въ желаніе сдѣлать что-либо незаконное; такъ болѣзненно уязвляется, когда совершено нами преступное

дѣло. Не явно ли, что лукавый помысль могъ быть нами отвергнутъ, что злое желаніе могло не придти въ исполненіе, если бы мы послушались совѣсти, что незаконное дѣло есть наше дѣло и больше ни чье? Но самолюбію нашему непріятно видѣть себя въ темномъ и мрачномъ видѣ преступника, больно сознавать себя виновнымъ. И вотъ, вмѣсто того, чтобъ обратиться къ Небесному врачу, и открыть предъ нимъ язву совѣсти, которую Онъ одинъ можетъ исцѣлить и уврачевать совершенно, мы стараемся заглушить ее своими самодѣльными пластырями, своими лживыми извиненіями и утѣшеніями. Вмѣсто того, чтобы явиться къ Судіи душъ нашихъ, который одинъ можетъ оправдать насъ и изъ неправедныхъ сотворить праведными, и Ему принести чистосердечное раскаяніе, Его умолять о помилованіи и прощеніи, мы хотимъ оправдать себя сами своими вымышленными извиненіями. Чтожъ происходитъ отсюда? То, что язва совѣсти дѣлается закоренѣлою и неисцѣльною, подобно какъ тѣлесная болѣзнь, врачуемая самоизмышленными лекарствами, безъ опытнаго и свѣдущаго врача, становится закоренѣлою и смертельною. То, что грѣхъ обращается въ привычку и страсть, которая овладѣваетъ душою нашею, подавляетъ самое сознаніе и желаніе освободиться отъ него, заглушаетъ и убиваетъ наконецъ совѣсть. То, что всякое преступленіе заповѣди Божіей остается на душѣ нашей, и по смерти неминуемо подвергаетъ насъ вѣчному осужденію. *Горе шивающимъ возлавійца мякая*, говоритъ пророкъ Божій; горе тѣмъ, которые усыпляютъ совѣсть свою ложными извиненіями во грѣхахъ своихъ; ихъ ожидаетъ тяжкое и страшное пробужденіе въ часъ смерти. *Горе отлагающимъ покаяніе день отъ дне; внезапно бо изыдетъ ярость Господня, и во время смерти погибнутъ!* Горе связующимъ

грѣхи ко грѣхомъ ужемъ долимъ: по жестокости своей и непокаянному сердцу, они собираютъ себя иныя въ день гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія, иже воздастъ коемуждо по дѣломъ его.

Съ другой стороны, если каждое слово и дѣло наше есть наше, а не чье либо: то и всѣ слова и дѣла наши въ отношеніи къ ближнимъ нашимъ вполне и совершенно зависятъ отъ нашей воли, а не отъ какихъ нибудь внѣшнихъ причинъ, которыя могли бы послужить намъ извиненіемъ. Кто можетъ заставить насъ слушать, — тѣмъ паче принимать съ охотою и удовольствіемъ дурныя вѣсти, толки, пересуды, клеветы и осужденія, вообще все, что говорятъ намъ о другихъ, надъ которыми никто не поставилъ насъ ни судьями, ни приставами, если сами охотно не приклонимъ слуха своего къ бесѣдамъ людей праздныхъ и злорѣчивыхъ? Кто можетъ принудить насъ сказать что-либо или предосудительное, или оскорбительное, или досадительное брату нашему, если будемъ всегда полагать вѣсь и мѣру словамъ своимъ, обуздаемъ языкъ свой и подчинимъ его закону Божію? Кто и что можетъ заставить насъ сдѣлать обиду ближнему, похитить чужое, отмстить за оскорбленіе, соблазнить и привести ко грѣху, если не захочемъ сего сами? Кто можетъ приказать намъ держать гнѣвъ на ближняго, не прощать сдѣланнаго намъ оскорбленія, памятозлобствовать и мстить за себя? Всему виною одна наша злая воля. Посему-то слово Божіе учитъ насъ, если бы мы согрѣшили въ чемъ противъ брата своего, чистосердечно признать себя виновными, искренно и отъ души покаяться предъ нимъ и просить его прощенія; а равно и самимъ отъ всего сердца прощать согрѣшающимъ предъ нами. Но самолюбіе наше говоритъ намъ другое. Оно представитъ

намъ тысячу предлоговъ, по которымъ самое тяжкое оскорбленіе ближнему едва не признается за одолженіе и заслугу; оно отыщетъ множество оправданій для самой тяжелой обиды и неправды; оно найдетъ унижительнымъ и недостойнымъ уваженія къ самому себѣ просить прощенія или прощать другимъ взаимныя оскорбленія и обиды. И вотъ, вмѣсто того, чтобы извергнуть изъ себя ядъ злобы, мы даемъ ему укорениться въ сердцѣ нашемъ, проникнуть всю душу нашу и преобразить ее въ духа злобы. Вмѣсто того, чтобы возрастить въ себѣ любовь, въ которой миръ и радость, мы питаемъ въ себѣ зависть, рвенія и ненависть, а съ ними — цѣлый адъ. Чтожъ происходитъ изъ того? То, что въ обществѣ христіанскомъ, въ которомъ должна бы быть душа едина и мысль едина всѣмъ, въ которомъ всѣ должны бы быть, какъ члены одного живаго тѣла, единомысленны, сочувственны, благожелательны другъ къ другу, появляются распри, раздоры и свары. То, что отъ непримирительности исчезаетъ любовь и дружба, довѣріе и уваженіе другъ къ другу, умножается взаимное ожесточеніе и злоба, возрастаютъ тяжба и обиды, усиливается взаимное недоброжелательство, озлобленіе и мстительность, — и члены святаго тѣла Христова, братія по плоти и духу, угрызаютъ, по слову апостола, и снѣдаютъ другъ друга. То, что между нами, вмѣсто духа Божія — духа любви и кротости, духа благости и милосердія, поселяется духъ злобы — духъ непріязни и коварства, духъ гордости и превозношенія, духъ презрѣнія и ненависти. Горе такому обществу: *всяко царство, раздѣльшееся на ся, запустѣетъ, и всякъ домъ, раздѣлившійся на ся, не станетъ.* Такъ самолюбіе, самопрельщеніе и самооправданіе наше и въ самое, насажденное Христомъ, царство Божіе вводитъ царство лукаваго!

Но самолюбіе человѣческое до того безстыдно, что держаетъ являться съ самооправданіемъ предъ самое лице Божіе, побуждаетъ лгать и лицемѣрить при самомъ таинствѣ покаянія, къ которому приступаемъ для очищенія грѣховъ своихъ, для оправданія и примиренія съ Богомъ. Истинная исповѣдь есть исповѣдь полная и чистосердечная; а самолюбіе и ложный стыдъ побуждаютъ насъ или скрывать грѣхи, или исповѣдать ихъ, такъ сказать, въ половину, представлять ихъ въ такомъ видѣ, въ какомъ они кажутся наиболѣе извинительными, скрывать побужденія ко грѣху, которыя иногда преступнѣе самого дѣла грѣховнаго. Чтожь пользы отъ такой исповѣди? Мы исповѣдуемъ грѣхъ, но не являемъ грѣшника, не показываемъ той степени болѣзни, того опустошенія, какое грѣхъ произвелъ въ душѣ нашей; и потому отходимъ не исцѣленными и не оправданными. Нѣтъ, открывая предъ Богомъ грѣхъ свой, открой и то, какъ долго ангелъ хранитель твой удерживалъ тебя отъ поползновенія ко грѣху, какъ совѣсть твоя боролась противъ преодолѣвавшей тебя похоти, какъ врожденная стыдливость удерживала тебя отъ преступнаго дѣла: но ты пренебрегъ всѣмъ этимъ, попустилъ самъ произвольно овладѣть собою похоти, и сдѣлалъ себя совершенно безответнымъ предъ Богомъ. Исповѣдуя грѣхъ, не скрывай и того, что онъ повторился уже неоднократно, что ты свыкся съ нимъ и полюбилъ его, что онъ овладѣлъ твоею душею и сердцемъ, что для исцѣленія твоего нужно сильное врачевство, строгое испытаніе, усиленные подвиги покаянія. Показывая язвы совѣсти, открой духовному врачу твоему и то, въ какой степени онъ беспокоитъ тебя. Такъ ли жгучи раны твои, что не даютъ покоя душѣ твоей; что нѣтъ мира въ самихъ костѣхъ твоихъ, отъ лица грѣхъ твоихъ;

или, напротивъ, онѣ мало тревожатъ твою заглохшую совѣсть, ты можешь спокойно почивать на ложѣ своемъ, не страшась быть похищеннымъ смертію и представленнымъ на судъ Божій! Истинное покаяніе есть покаяніе сокрушенное и смиренное. Но самолюбіе и самооправданіе наше погашаетъ въ насъ сей духъ умиленія и сокрушенія сердечнаго. Оно шепчетъ намъ, что мы не такъ еще грѣшны, чтобы страшиться неминуемой гибели; что есть много грѣшнѣе насъ, что есть много причинъ, извиняющихъ насъ, что мы были вовлечены въ грѣхъ другими. И вотъ мы спокойно говоримъ о грѣхахъ своихъ, какъ бы это были не наши грѣхи, или какъ бы они вовсе не были грѣхами. Нѣтъ, приходя къ покаянію, стань предъ лицомъ Божиимъ одинъ, какъ станешь предъ Нимъ по смерти, въ виду геенны и огня вѣчнаго. Вспомни о законѣ Божіемъ, который ты попралъ, о величіи Божіемъ, которое оскорбилъ и уничижилъ, о любви Божіей, которую преогорчилъ, о пролитой за тебя крови Христовой, которой поругался, о правосудіи Божіемъ, которое можетъ истребить тебя тотчасъ съ лица земли, о гееннѣ огненной, которая готова уже поглотить тебя. Предстоя престолу Божію, устрашись принимать на себя санъ діавола, чтобы обвинять другихъ, или увлекшихъ тебя ко грѣху, или раздѣлявшихъ съ тобою грѣховныя наслажденія, которые, быть можетъ, давно уже покаялись и помиллованы Богомъ. Никто не могъ принудить тебя ко грѣху, кромѣ твоей злой воли, никто и не виновенъ въ грѣхахъ твоихъ, кромѣ тебя. Истинно покаяться значитъ отстать отъ грѣха, положить непреложное намѣреніе всѣми силами противиться грѣху. Но желаніе оправдаться во грѣхѣхъ не явно ли свидѣтельствуешь, что мы любимъ его и не желаемъ оставить его, — исповѣдуемся для того только,

чтобы, похитивъ прощеніе, опять предаться грѣху съ большимъ дерзновеніемъ и безпечностію? Что-жь будетъ такое покаяніе, какъ не новый тягчайшій грѣхъ, — поруганіе святѣйшаго таинства, тягчайшее оскорбленіе Духа Святаго?

Таковы, брат. мои, ужасные плоды самооправданія и лживыхъ извиненій во грѣхѣхъ. Оно обращаетъ ихъ въ неисцѣльную язву души нашей; оно дѣлаетъ насъ гнилыми и зловредными членами въ тѣлѣ Церкви Христовой; оно отнимаетъ всю спасительную силу у самого покаянія нашего, и дѣлаетъ насъ нераскаянными подобно духамъ нечистымъ. Господи Боже мой, *не уклони сердце мое въ слова лукавствія нещевати вины о грѣсѣхъ*. Аминь.

КЛИМЕНТЬ АЛЕКСАНДРІЙСКІЙ.

(Патрологическій очеркъ, — изъ классическихъ чтеній по Патрологіи).

(Продолженіе.)

Перейдемъ теперь къ литературной дѣятельности Климента, или изложимъ вкраткѣ систему богословско-философскихъ воззрѣній его, какъ писателя.

Не лишнимъ считаемъ замѣтить напередъ, что, строго-последовательный въ жизни и дѣятельности педагогической, Климентъ столь же последователенъ и въ дѣятельности литературной или сочиненіяхъ. Главнѣйшія изъ дошедшихъ до насъ сочиненій его убѣдятъ въ этомъ всякаго, кто захотѣлъ бы познакомиться съ ними хотя сколько-нибудь.

Вотъ эти сочиненія: 1) «*Убѣдительное слово къ язычникамъ*», по греческому надписанію, — *Λόγος προτρεπτικός*, въ которомъ авторъ имѣетъ цѣлю, представивъ несообразность съ здравымъ разумомъ или философскими идеями — убѣжденія и вѣрованія язычества, расположить язычниковъ къ принятію истинъ христіанскаго откровенія. 2) «*Педагогъ*», то-есть «*Наставникъ юношей*» или руководитель новообращенныхъ по пути спасенія, — сочиненіе, написанное въ руководство для тѣхъ,

кои уже приняли вѣру Христову, но, подобно юношамъ, еще неопытны въ христіанской жизни и нуждаются въ надежномъ и вѣрномъ руководителѣ по пути оной. По чисто-практической задачѣ своей и характеру, сочиненіе это представляетъ родъ систематическаго изложенія началъ и требованій христіанской нравственной жизни, и можетъ быть названо — просто наукой христіанскаго нравственнаго богословія въ лучшемъ смыслѣ этого слова. 3) Наконецъ, «*Sromata*» — *στροφικαίς*, то-есть *ковры* или *ткани*, — сочиненіе такъ названное потому, что въ немъ созерцательное ученіе христіанства всегда предшествуется, сопровождается и, какъ бы, переносится различными знаніями философскими, историческими, литературными и вообще научными, и написанное для тѣхъ, кои, не смотря на чистоту своей жизни и непорочность сердца, не введены еще въ самое существо и глубину христіанскаго вѣдѣнія — *γνώσεως* и, въ силу своего философствующаго духа, не иначе могутъ войти въ это святилище, какъ путемъ разума, философіи и науки вообще.

Такимъ образомъ, Климентъ — писатель сперва обращаетъ невѣрующихъ ко Христу, потомъ руководитъ новообращенныхъ по пути жизни благодатной и, наконецъ, вводя ихъ въ самую сокровенную глубину христіанскаго вѣдѣнія или жизни созерцательной, возводитъ ихъ къ самой высшей степени духовнаго христіанскаго совершенства. Такъ, строго-систематическій въ жизни и дѣятельности педагогической, строго-систематиченъ онъ и въ писаніяхъ. Всѣ три указанная сочиненія представляютъ, очевидно, одно цѣлое, органическое, полное, законченное произведеніе пера Климента; одну строго-последовательную систему литературныхъ идей и убѣжденій его, — идей и убѣжденій, въ которыхъ такъ

внутренно объединяются вѣра и знаніе, или мысль серіознаго философа съ вѣдѣніемъ глубокаго богослова. И во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ, особенно же въ «*Строматахъ*», рѣзко даетъ себя чувствовать необыкновенная глубина и громадная сила ученаго ума Климента, необыкновенная полнота и широта его возрѣній и образованности вообще.

Относительно слога или стиля Климента замѣтимъ кстати, что онъ, въ соотвѣтствіе глубинѣ и далекому полету ума Климента, оказывается нерѣдко своеобразно-примрачнымъ и высокопарнымъ и, съ этой стороны, какъ нельзя больше характеренъ для аллегорическаго направленія времени Климента вообще и для направленія Александрійцевъ — въ особенности.

Относительно логическаго движенія мысли скажемъ, что оно методично и строго-последовательно у Климента не столько со стороны виѣшней, сколько съ внутренней. Въ сочиненіяхъ его нерѣдко встрѣтите рѣзкіе перерывы, скачки и неожиданные переходы отъ одной мысли къ другой: не торопитесь заключеніями. Эта рѣзкая, какъ покажется вамъ, непослѣдовательность — не отсутствіе логики, а вѣрный знакъ глубокихъ и сильныхъ натуръ вообще, — рѣзкое выраженіе владычественной и свободно располагающей своими богатствами духовной природы Климента — въ особенности.

Во главѣ системы Климента, также какъ и системы Іустина, стоитъ понятіе *Логоса*, то-есть вѣчнаго Слова или Сына Божія; только у Климента понятіе это несравненно глубже, шире и развитѣе, чѣмъ у Іустина. Климентъ, какъ увидите, дѣлаетъ смѣлую попытку представить положительное ученіе христіанства о второй Упостаси св. Троицы въ

философской одеждѣ и развить оное въ полную метафизическую систему христіанства вообще — какъ откровенія.

Богъ, какъ Существо абсолютное и только въ Себѣ Самомъ всецѣло сущее, есть, говоритъ Климентъ, Существо невидимое, непостижимое. Только въ Словѣ Своемъ Онъ открываетъ Себя. Слово, какъ вѣчная идея, какъ вѣчный умъ или премудрость Отца, есть *первооткровеніе* Отца въ томъ смыслѣ, что въ Немъ, какъ въ блестящемъ фокусѣ, сосредоточиваются всѣ лучи божества Отца, — что Оно есть вѣчный и истинный *представитель* существа Отца. Будучи такимъ *первооткровеніемъ* Отца, Слово, какъ отъ вѣчности осуществляемая идея, или умъ и премудрость Отца, есть, продолжаетъ Климентъ, вѣчное рожденіе или вѣчно-раждаемый Сынъ Отца и, какъ вѣчное рожденіе или вѣчно-раждаемый Сынъ, Оно есть *первенецъ* и, какъ бы, *первый членъ* или *первое звено* въ системѣ всякаго другого бытія. Такъ что Слово, будучи *представителемъ* Отца, съ одной стороны, и *первенцемъ* или *первымъ членомъ* и *звеномъ* въ системѣ всякаго другого бытія — съ другой, *объединяетъ* въ Себѣ бытіе абсолютное или безусловное съ бытіемъ идеально-условнымъ, то есть бытіе Отца со всякимъ другимъ бытіемъ, коего Оно — Слово — есть *идеальнѣйшій представитель*, или которое существуетъ только въ идеяхъ бытія, отъ вѣчности присущихъ Ему и въ Немъ сосредоточенныхъ. Далѣе: Слово, какъ совершеннѣйшій *представитель* Отца, а стало быть, и какъ *представитель* всей *совокупной дѣятельности* Отца, приводитъ въ дѣйствительность или осуществляетъ присущія Ему отъ вѣчности идеи бытія, воплощая оныя въ соотвѣтственные имъ формы бытія; то-есть — творитъ міръ духовъ, міръ человѣческой, міръ чувственный и вообще вселенную,

и этимъ актомъ творенія начинаетъ уже собственное откровеніе: *твореніе есть самооткровеніе Слова*. Далѣе: сотворившее міръ Слово Божіе ни на мгновеніе не оставляетъ ничего сотвореннаго. Оно всегда и всѣмъ управляетъ въ мірѣ, все направляетъ въ немъ къ лучшему, всегда и всему присуще въ мірѣ и никогда ничего не оставляетъ въ немъ безъ Своего *смотрѣнія* или *надзора*. Иначе сказать: вѣчное Слово Божіе есть *Провидѣніе міра* и, какъ *Провидѣніе*, Оно есть новое *самооткровеніе*. Но всегда дѣйствуя въ мірѣ — какъ *Провидѣніе*, всегда согрѣвая міръ лучами Своего свѣта и дыханіемъ Своего духа, Слово никогда не ослабляется чрезъ это, ни истощается въ силѣ и существѣ Своемъ; никогда не объемлется міромъ, ни изливается въ мірѣ все и всецѣло. Иначе сказать: какъ по бытію, такъ и по совершенствамъ своимъ — міръ отнюдь не есть полное выраженіе всей совокупности идей и совершенствъ бытія, кои совмѣщаетъ или сосредоточиваетъ въ Себѣ *идеальнѣйшій представитель* и *первенецъ* бытія — вѣчное Слово или Сынъ Божій; отнюдь не есть полнѣйшее откровеніе или *воплощеніе* Слова. Бытіе міра и совершенства его, какія только можемъ мы представить себѣ, суть только слабыя отблески или лучи сотворившаго міръ и промышляющаго о немъ Слова и составляютъ, такъ сказать, только первую, далеко несовершенную ступень въ откровеніи Слова. Чтобы совершилось въ мірѣ полное откровеніе Слова, для этого необходимо, чтобы міръ — и по бытію, и по совершенствамъ своимъ — сталъ полнымъ выраженіемъ идей бытія и идеальнѣйшихъ совершенствъ бытія, отъ вѣчности присущихъ или сосредоточенныхъ въ Словѣ, какъ *первенецъ* и *идеальнѣйшемъ представитель* бытія и совершенствъ бытія; необходимо, чтобы бытіе и жизнь міра были совершенно

разрѣшены отъ всѣхъ условій или ограниченій своихъ, отъ узъ плоти и крови своей; необходимо, словомъ, чтобы мѣръ былъ *искупленъ*. Въ лицѣ Богочеловѣка Христа, который есть Само воплотившееся Слово Божіе, совершеннѣйшимъ образомъ воплотились вѣчныя идеи бытія и совершенствъ міра; стала вполнѣ *объективною* истина бытія и жизни міра; явился, словомъ, истинный *искупитель* и *спаситель* міра, который, сосредоточивъ въ Себѣ всѣ законы и силы бытія, всю жизнь и всякій порядокъ или гармонію міра, сталъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, истиннѣйшимъ и дѣйствительнѣйшимъ *идеаломъ* міра или *концомъ* его: Слово—*первенецъ* бытія— есть вмѣстѣ и *конецъ* его!...

Вотъ понятіе Климента о Словѣ или Сынѣ Божіемъ. Сравните это понятіе съ понятіемъ Іустина, и вы увидите, что Слово, озарившее умъ Іустина однимъ только лучемъ Своего свѣта, отражается въ умѣ Климента, какъ бы въ блестящемъ Своемъ фокусѣ.

Но что всего особеннѣе и преимущественнѣе у Климента, такъ это то, что Слово или Сынъ Божій мыслится у него, какъ высочайшее идеальное *единство міра*. Богъ Отецъ, говоритъ Климентъ, есть *единство*. Богъ Сынъ — тоже есть *единство*, только не въ томъ же смыслѣ, въ какомъ Отецъ. Сынъ есть *единство* въ томъ особенномъ и преимущественнѣйшемъ смыслѣ, что всѣ законы и силы міра сосредоточиваются въ Немъ, какъ въ своемъ центрѣ; что все отъ Него исходитъ, какъ отъ виновника, и къ Нему возвращается, какъ къ концу; что Онъ есть *алфа* и *омега* всего... Отецъ, по ученію Климента, есть *монада абсолютная*; Сынъ — есть *монада конкретная*. Будучи такимъ конкретнымъ единствомъ и, стало быть, истиннѣйшимъ и дѣйствительнѣйшимъ представителемъ всего, Слово

или Сынъ Божій есть, очевидно, единый верховный *первосвященникъ* всего, Своею посредствующею дѣятельностію приводящій все къ единству съ Богомъ...

Это понятіе о Словѣ характеризуетъ всю систему міровоззрѣній Климента и, въ свою очередь, служитъ центромъ, изъ котораго исходятъ и къ которому возвращаются всѣ частныя мысли Климента. Развивая это понятіе, Климентъ проводитъ искупительное дѣйствіе Слова въ мірѣ чрезъ всю исторію міра и человѣчества и, какъ на особенно-знаменательныхъ путяхъ, коими древле открывало Себя искупающее мірѣ Слово, или коими руководило и направляло Оно древнее человѣчество ко *спасенію*, останавливается по преимуществу на законѣ Моисеевомъ—съ одной стороны, и на философіи греческой и вообще языческой — съ другой.

Законъ Моисеевъ и философія языческая, учитъ Климентъ, суть только двѣ неполныхъ части одного и того-же цѣлага, два луча одной и той же истины и, какъ бы, два зерна одного и того же сѣмени вѣчнаго Слова Божія. Оба они равно приготавливали и вели древнее человѣчество ко Христу, хотя, конечно, какъ законъ, такъ и философія—совершали это дѣло своими особенными путями; оба они равно были въ цѣляхъ всеблагаго провидѣнія Божія о мірѣ и человѣчествѣ. Обыкновенное мнѣніе, говоритъ Климентъ, признаетъ философію дѣломъ начала темнаго или произведениемъ дѣвольскимъ... Но добрые нравы, коимъ учила людей философія, идеи провидѣнія, воодушевлявшія мудрецовъ греческихъ, свѣтлыя убѣжденія и добродѣтели философовъ вообще, — ужели все это — дѣло начала темнаго, произведение дѣвольское? Законъ и разумъ равно внушали людямъ воздавать каждому то, что слѣдуетъ, и въ такой мѣрѣ, въ какой онъ того

заслуживаетъ: требованіе прекрасное и равно достойное и закона и философіи. Что же? Ужели признавать подобныя требованія чистыми и святыми только тогда, когда они въ видахъ закона, и считать скверными или нечистыми внушеніями дьявола тогда, когда они въ духѣ здраваго разума? Если, говоритъ Климентъ, свѣтъ не производитъ мрака, а теплота не приноситъ стужи; то тѣмъ болѣе тьма не произведетъ свѣта, а зло не сдѣлаетъ добра. Вѣчное Слово Божіе, какъ начало откровенія Божества въ мірѣ, продолжаетъ онъ, равно было присуще всему человѣчеству, равно воздѣлывало всю духовную почву его, равно засѣвало ее сѣменами Своего свѣта и орошало росой Своего духа; равно, словомъ, спасало всѣхъ людей и все человѣчество. Но, спасая всѣхъ, однимъ — іудеямъ даетъ Оно законъ, другимъ — грекамъ, а чрезъ нихъ и всѣмъ язычникамъ, внушаетъ Оно философію.

Ясно, такимъ образомъ, какое важное и широкое значеніе даетъ Климентъ греческой философіи. Она была, по его воззрѣнію, педагогикой языческаго міра древности или пропедевтикой его въ отношеніи къ христіанству. Точнѣе сказать: философія грековъ была, по собственному выраженію Климента, «*завѣтъ грековъ*» и вообще язычниковъ; а представитель ея — Платонъ — былъ «*пророкомъ*» ихъ.

По всему этому философія, какъ и законъ Моисеевъ, составляла живой членъ цѣлаго органическаго развитія древняго человѣчества въ отношеніи къ движенію или исторіи его приготовленія къ принятію христіанства. Въ до-христіанскомъ мірѣ она была откровеніемъ человѣчеству той же вѣчной идеи Божіей, которая въ лицѣ Богочеловѣка Христа открыла себя совершеннѣйшимъ и полнѣйшимъ образомъ и стала *объективною*.

Но законъ Моисеевъ и философія грековъ все же таки были только первыми и, стало быть, далеко еще не совершенными ступенями откровенія въ мірѣ абсолютной истины. Они составляли только два несовершенныхъ луча одного и того же вѣчнаго свѣта — Слова Божія. Въ нихъ занималась только заря этого истиннаго свѣта, но еще не было полнаго восхода солнца, съ которымъ, обыкновенно, все становится свѣтлымъ.

Чтобы законъ и философія стали полнѣйшимъ и совершеннѣйшимъ откровеніемъ Слова; чтобы лучи свѣта и идеи жизни, отъ вѣчности присущія вѣчному Слову Божию и въ немъ сосредоточенныя, отлились, такъ скажемъ, въ форму закона и философіи или сосредоточились въ нихъ, какъ въ своихъ центрахъ или фокусахъ, для этого необходимо, чтобы законъ сталъ полнымъ и совершеннѣйшимъ выраженіемъ идеи закона, а философія — полнымъ и совершеннѣйшимъ выраженіемъ идеи философіи; необходимо то-есть, чтобы законъ и философія были разрѣшены отъ всѣхъ недостатковъ и несовершенствъ своихъ, отъ всѣхъ условій или ограниченій своихъ; необходимо, словомъ, чтобы они были *искуплены*. Богочеловѣкъ Христосъ, какъ Само воплощенное Слово или вѣчный Сынъ Божій, выполняетъ на Себѣ законъ по самой идеѣ закона; объектируетъ истину или требованія философіи по самой идеѣ истины и философіи и, такимъ образомъ, становится единымъ истиннымъ *искупителемъ* и *спасителемъ* — какъ закона, такъ и философіи. «Христіанство, говоритъ Климентъ, какъ законъ, есть совершеннѣйшій и единый истинный законъ; а какъ философія—есть совершеннѣйшая и единая истинная философія». Вотъ почему, съ появленіемъ христіанства, нѣтъ уже нужды послѣдствовать въ Іерусалимъ, для того, чтобы помо-

литься тамъ и принести Богу жертвы; нѣтъ уже нужды послѣшать въ Аѳины или Грецію для того, чтобы послушать тамъ мудрецовъ и философовъ. Для христіанина вездѣ Иерусалимъ, вездѣ Аѳины, вездѣ Греція.

Проводя, такимъ образомъ, исторію откровенія Слова въ мірѣ чрезъ всю исторію міра и человѣчества до Христа, Климентъ не ограничиваетъ, однакожь, предѣловъ исторіи этого откровенія только указаннымъ — *общимъ* или, если умѣстно такъ выразиться, *міроисторическимъ* процессомъ откровенія Слова. Съ появленіемъ христіанства, процессъ откровенія Слова — *общій* или *міроисторическій* замѣняется, по ученію Климента, процессомъ откровенія того же Слова — *индивидуальнымъ*, то-есть постепенно совершающимся въ душѣ каждаго изъ вѣрующихъ во Христа Спасителя.

Разсматривая этотъ внутренній, *индивидуальный* процессъ откровенія Христа, единаго истиннаго источника свѣта и жизни человѣческой, въ душѣ каждаго изъ вѣрующихъ въ Него, — Климентъ находитъ, что этотъ новый процессъ идетъ, развивается и обнаруживается послѣдовательно въ трехъ главныхъ ступеняхъ духовной жизни истинно-вѣрующихъ. Первую ступень развитія или обнаруженія его образуетъ, по воззрѣнію Климента, *философія*; вторую — обусловливаетъ *вѣра*; третью — составляетъ высшее вѣдѣніе или *γνῶσις*.

Какъ въ мірѣ до-христіанскомъ, учитъ Климентъ, философія озаряла духъ человѣческой и приготовляла людей къ принятію вѣры Христовой; такъ въ христіанствѣ она образуетъ, какъ-бы, тотъ же родъ пропедевтики, составляетъ первую ступень на пути къ высшему вѣдѣнію и служитъ къ тому, чтобы содержаніе вѣры возводить на степень

христіанской науки. До явленія Христа Спасителя она необходима была къ оправданію грековъ; по явленіи Его она потребна для благочестія тѣхъ, кои простую вѣру, то есть положительное ученіе христіанское хотятъ развить въ систему духовно-нравственной христіанской науки или жизни. Чѣмъ охотнѣе соглашаемся, говоритъ Климентъ, что можно вѣровать и безъ науки; тѣмъ менѣе представляемъ возможность понимать содержаніе вѣры безъ помощи знаній или безъ посредства науки. Тотъ изъ вѣрующихъ, продолжаетъ онъ, кто захотѣлъ бы достигнуть этого пониманія безъ философіи, безъ діалектики и вообще безъ учености,— тотъ былъ бы похожъ на того, кто вздумалъ бы собирать виноградъ или пить виноградное вино, не насадивши и не возрадивши напередъ виноградныхъ вѣтвей. Апостолы и пророки, говоритъ онъ, какъ истинные питомцы и ученики Духа Святаго, говорили только то, что непосредственно внушалъ имъ Духъ Святый. Но для того, чтобы усвоить и развить глубокое содержаніе ученія ихъ, мы не должны, въ свою очередь, ожидать того же непосредственнаго, чрезвычайнаго дѣйствія на насъ Духа Божія. Мы, говоритъ, имѣемъ для этого науку и образованіе, которыя вполне могутъ сдѣлать насъ способными понимать и развивать содержаніе и смыслъ ихъ писаній. Тотъ изъ вѣрующихъ, кто пожелалъ бы этого просвѣщенія силою Божіею, — тотъ долженъ, прежде всего, приучить себя философствовать о предметахъ духовныхъ,—дабы, такимъ образомъ, умъ его, дѣлаясь болѣе и болѣе чистымъ и духовнѣйшимъ, могъ представлять въ себѣ форму, способную къ воодушевленію отъ Духа.

Такой взглядъ на значеніе философіи и науки вообще въ христіанствѣ не говоритъ, очевидно, о томъ, чтобы, по

понятію Климента, философія или наука могли отъ себя привносить что-либо въ содержаніе христіанства. Значеніе ихъ въ христіанствѣ не больше, по понятію Климента, какъ только чисто-формальное. Какъ наука приговорительная — философія, говоритъ Климентъ, упражняетъ духъ и дѣлаетъ умъ болѣе тонкимъ и гибкимъ; она возбуждаетъ разсудокъ, вызываетъ остроуміе; она очищаетъ умственный и нравственный кругозоръ нашъ и даетъ вѣрѣ научную твердость. Тутъ она не вырабатываетъ истины, даже не дѣлаетъ ее сильнѣйшею. Она дѣлаетъ только безсильными всѣ софистическія возраженія и нападенія на истину. По всему этому философія въ христіанствѣ — есть только средство, а не цѣль; есть только путь къ царскому ученію, но не самое ученіе; есть только почва для вѣдѣнія, но далеко еще не самое вѣдѣніе. Словомъ: философія, по ученію Климента, составляетъ въ христіанствѣ, какъ-бы, нѣкоторый родъ предварительнаго оглашенія, необходимаго для тѣхъ, коимъ хотятъ вѣрить высшія тайны, то-есть самое содержаніе вѣры. И здѣсь, какъ и въ до-христіанскомъ мірѣ, она приводитъ только ко Христу; но не низводитъ Христа въ душу. Эту тайну совершаетъ уже вѣра..

Вѣра есть, какъ-бы, нѣкоторый сосудъ, въ коемъ хранятся сокровища откровенія; въ которомъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточиваются лучи свѣта Христова. Со стороны человѣка — вѣра есть свободное принятіе откровеннаго ученія и безусловное съ нимъ согласіе; со стороны Бога — она есть глубоко-насажденное въ душѣ добро, состоящее въ томъ, что человѣкъ признаетъ бытіе Бога и прославляетъ Его, не ожидая для того никакихъ внушеній или доказательствъ внѣшнихъ, стороннихъ. Иначе сказать: вѣра, по ученію Климента, составляетъ самую высшую

потребность природы человѣческаго духа и необходима для жизни его, по выраженію Климента же, точно также, какъ дыханіе необходимо для жизни тѣлесной. По этому-то содержаніе вѣры — *начала и причины вещей* или *алфа и омега всего*, — содержаніе, высшее, очевидно, всякихъ доказательствъ и изслѣдованій, но уже сродное духу въ силу природы его, и составляющее лучшую стихію для жизни существа его, прямо и непосредственно составляетъ только достояніе или награду для вѣры вѣрующихъ. Къ тому-жъ: если ученики Пифагора, говоритъ Климентъ, питали безусловную довѣренность къ своему учителю и словамъ его; то не болѣе ли должны довѣрять христіане своему неложному и единому истинному свидѣтелю и учителю истины, божественному своему Искупителю, Самому воплотившемуся и ставшему человѣкомъ вѣчному Слову Божію, которое — само свѣтъ, само истина, само личная премудрость Божія? Христосъ есть сама истина, самъ свѣтъ, сама премудрость Божія, повторяетъ Климентъ. Стало быть, кто не вѣритъ Слову или ученію Его, тотъ, очевидно, не хочетъ вѣрить самому Богу. Христосъ или Богъ воплотившійся долженъ представить намъ доказательства истинности того, что Онъ открываетъ намъ, какъ истину: какое безумное и преступное требованіе!?

Такой взглядъ на вѣру ни мало не выражаетъ, однакожъ, того, чтобы, по ученію Климента, такъ называемая слѣпая вѣра была лучшею христіанскою добродѣтелію. Климентъ, какъ очевидно, говоритъ здѣсь о вѣрѣ съ точки зрѣнія чисто — *объективной* или предметной и хочетъ только оградить содержаніе или совокупность истинъ вѣры отъ посягательствъ и покушеній противъ нихъ со стороны произвола и законодательныхъ стремленій ума...

Съ *субъективной* точки зрѣнія — такъ называемая *простая* или *непосредственная* вѣра далеко еще не есть, по ученію Климента, вѣра, вполне довлѣющая христіанину, или духовная. Чтобъ быть ей такою — она, по понятію его, должна перейти изъ своей *простоты* и *непосредственности* въ высшее вѣдѣніе, — должна развиться въ *гносисъ* — *γνῶσις*.

Въ противоположность вѣдѣнію или *гносису* ложному, какими были, на примѣръ, вѣдѣніе или *гносисъ* Валентина, Василида и другихъ, истинно-христіанское вѣдѣніе или истинно-христіанскій *гносисъ* развивается, по ученію Климента, въ самой тѣсной связи съ вѣрой, съ писаніемъ, съ отеческими или церковными правилами вѣры, и изъ этихъ только чистыхъ источниковъ черпаетъ свою жизнь, заимствуетъ свою силу. Онъ возникаетъ и развивается изъ этихъ свѣтлыхъ началъ христіанства точно также, какъ возникали и развивались все лучшія идеи и свѣтлыя убѣжденія древней философіи изъ зароненнаго въ душу человечества луча единого истиннаго свѣта—вѣчнаго Слова Божія.

По самому существу своему, христіанскій *гносисъ* представляетъ двѣ стороны — теоретическую и практическую. Съ теоретической стороны своей — оно есть *чистое созерцаніе*, съ практической — есть *отрпшенная мистика*.

Гносисъ — какъ *созерцаніе* — есть вѣдѣніе абсолютнаго, самосущаго духовнаго бытія, — вѣдѣніе, посредствуемое только умомъ и, стало быть, совершенно *простое*, то-есть такое, которое въ себѣ же самомъ имѣетъ и цѣль и побужденія свои. Это есть знаніе въ высшей степени *свободное* и *безкорыстное*. Такъ что, если гностикъ стремится познать Бога; то даже и въ этомъ случаѣ онъ стремится къ знанію всеѣмъ не потому, чтобы желалъ испытать бла-

женство, проистекающее вслѣдствіе вѣдѣнія Бога, а просто только потому, чтобы знать Бога, стремится къ знанію ради самого знанія или въ силу идеи его. Такъ что, далѣе, если бы мы были въ состояніи изолировать истинное вѣдѣніе Божества и блаженство, которымъ сопровождается это вѣдѣніе, и предложили бы гностику избрать на долю свою то или другое между ними: то онъ, нимало не колеблясь, избралъ бы вѣдѣніе и не согласился бы на блаженство. Всѣ стремленія и всѣ задачи жизни гностиковъ сосредоточиваются въ одной цѣли: созерцать всѣ вещи въ ихъ первоосновѣ — Богѣ. Какъ *впдуцій* — гностикъ живетъ, дышитъ и движется только этою цѣлію. Если гностикъ проповѣдуетъ о добрѣ, если говоритъ онъ объ истинѣ жизни, если предписываетъ начала и правила для всякой человѣческой дѣятельности: то эта проповѣдь, эти начала и правила суть не что иное, какъ вѣрнѣйшіе снимки или копии съ тѣхъ сверхъ-чувственныхъ предметовъ, въ созерцанія которыхъ постоянно погруженъ и погружается созерцательный духъ его. На этотъ разъ гностики походятъ на тѣхъ, кои плаваютъ и направляютъ теченіе кораблей по руководству и указаніямъ звѣздъ. Таковъ *мосисъ* съ теоретической стороны своей, или — какъ *созерцаніе*.

Таковъ же онъ и со стороны практической, или — какъ *мистика*. Гностикъ, по ученію Климента, столько же совершенный *практически* или *нравственно*, сколько и *впдуцій* христіанинъ. Для простаго вѣрующаго побужденіемъ къ добру служитъ страхъ наказаній за преступленія, или обѣтованія наградъ за исполненіе закона; но просто-вѣрующій можетъ быть только вѣрнымъ рабомъ закона — не болѣе. Для гностика, напротивъ, все побужденіе къ добру и совершенству нравственному составляетъ только сознательная любовь къ

добрѣ. Эта любовь есть корень всей духовно-нравственной жизни его; есть плодоносящая мать всѣхъ добрыхъ дѣлъ его: почему онъ только и можетъ быть истинно-свободнымъ и благочестивымъ христіаниномъ; онъ только достоинъ быть истиннымъ другомъ и сыномъ Божиимъ. Живя въ тѣлѣ — онъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, совершенно отрѣшенъ отъ узъ плоти и крови: почему никакія чувственныя пожеланія или душевныя влеченія уже не могутъ имѣть къ нему доступа, кромѣ тѣхъ развѣ, кои прямо относятся къ обузданію плоти, каковы: воздержаніе, постъ и подобныя. Къ нему не имѣютъ даже доступа радости, печали и тому подобныя состоянія человѣческія: онъ безстрастенъ подобно Христу. Соединившись чрезъ любовь съ возлюбленнымъ, всецѣло, такъ сказать, погрузившись въ существо Его и живя всею полнотою блаженства этого единенія, — гностикъ ни въ чемъ уже не нуждается болѣе, ничего не ищетъ для себя, ни для чего не существуетъ болѣе. Онъ вполне достигъ того, къ чему стремился, чѣмъ только жилъ и дышала доселѣ. По всему этому гностикъ есть истинный христіанинъ, восшедшій уже на гору Господню и живущій въ церкви первородныхъ, на небесахъ написанныхъ, въ обществѣ истинныхъ философовъ Божіихъ — пророковъ и апостоловъ, въ царствѣ истинныхъ израильтянъ или сыновъ Божіихъ, чистыхъ сердцемъ и непричастныхъ лжи или неправдѣ.

Вотъ Климентовъ идеаль христіанскаго *гностика* или *студцаго*. Заключивъ имъ систему свою, Климентъ, какъ бы, сказалъ намъ послѣднее слово о томъ, къ чему всегда стремился и чего постоянно жаждалъ философски-созерцательный духъ его. Сильный блескъ фокуса, живость картины, свобода кисти, прозрачность и широта идеи, легкость

и гармонія красокъ: все это запечатлѣно здѣсь духомъ, не свойственнымъ плоти и крови, и все говоритъ, что гений-художникъ глубоко прочувствовалъ свой идеаль, если не сказать — осуществилъ его въ себѣ, прежде-чѣмъ отлилъ или нарисовалъ его!

По краткости времени кратко и поспѣшно изложена здѣсь система Климента. Не смотря, однако-жъ, на это — не можете не видѣть, какимъ знаменательнымъ путемъ идетъ авторъ — Климентъ къ задуманной цѣли. Все, какъ видите, вытекаетъ у него изъ одного и того же божественнаго начала; все возвращается къ одной и той же божественной цѣли. Идея Логоса или вѣчнаго Слова Божія, какъ божественнаго Провидѣнія, владычественно царить у Него надъ всею исторіей міра и человѣчества. Слово творческое даетъ у него начало и жизнь этой исторіи; Слово промыслительное хранитъ и воздѣлываетъ эту исторію; Слово искупительное низводитъ на нее благодать и силы безсмертія и вдыхаетъ въ нее духъ истины, свѣта и жизни, довлѣющій для вѣчности и нескончаемой жизни ея въ небесахъ.... Съ философской точки зрѣнія, система Климента, какъ уже и замѣчено было, есть смѣлая попытка представить въ философской одеждѣ положительное ученіе христіанства о второй Упостаси пресвятой Троицы, или развить это ученіе въ полную метафизическую систему христіанства вообще. Знакомые уже съ самой системой Климента не нуждаются, безъ сомнѣнія, въ разъясненіи этого взгляда на нее. Замѣтимъ только, что, не смотря на громадную силу и широту ума и образованности своей, Климентъ сильно пошатнулся подъ тяжестію мірообъемлющей задачи своей. Въ итогъ системы его оказывается, что, въ интересахъ гносиса и философій, онъ

слишкомъ ужь стѣсняетъ значеніе и прагтическую силу вѣры, различиваетъ между христіанствомъ виѣшнимъ и внутреннимъ, и вообще — докетически понимаетъ искупленіе міра, совершенное воплощеніемъ Слова или Сына Божія — Иисуса Христа, — что, какъ увидимъ въ послѣдствіи, и привело потомъ знаменитѣйшаго ученика Климента — Оригена къ прямымъ заблужденіямъ, осужденнымъ Церковію. Говоря это, мы не думаемъ, конечно, произносить осужденіе или бросать камень на знаменитаго писателя Церкви. Намъ извѣстно то глубокое уваженіе, какое питалъ къ Клименту св. Александръ епископъ Іерусалимскій, блаженный Іеронимъ, Θεодоритъ и другіе отцы и учителя Церкви; и мы имѣемъ основаніе думать, что указанный недостатокъ системы Климентовой составляетъ только неизбѣжную дань, которую Климентъ отдалъ только необходимости. Христіанская наука, какъ извѣстно, теперь только начинала свою исторію, и Климентъ, первый представитель ея, не имѣя подъ руками никакихъ готовыхъ опытовъ систематическаго или научнаго изложенія христіанства, кромѣ изустныхъ чтеній или уроковъ Пантена, долженъ былъ разрабатывать полновѣсную тему свою на основаніи самыхъ разнообразныхъ, отрывочныхъ матеріаловъ, въ виду, притомъ, и подвліяніемъ всеобщаго броженія умовъ...

Къ тому-жь: кромѣ философски-богословскаго или научнаго построенія, кромѣ глубокаго внутренняго единства и гармоніи системы Климентовой, въ ней есть другія совершенства, съ избыткомъ вознаграждающія указанный недостатокъ. Именно: съ точки зрѣнія церковно-христіанствующаго духа вообще — она есть истинное выраженіе церковно-христіанской вѣротерпимости; а въ отношеніи

къ нуждамъ и потребностямъ Церкви и вѣрующихъ времени Климентова — составляетъ прямое или положительное имъ удовлетвореніе. Для сужденій о ней по первому положенію достаточно указать на отношенія Климента къ еретикамъ, къ философамъ и язычникамъ. Извѣстно, каковы были гностики, и особенно александрійскіе, и каковы были философы языческіе временъ Клемента — въ отношеніи къ Церкви и христіанству. Ниспровергнуть самыя основы, подорвать или парализовать въ общественномъ мнѣніи самое содержаніе или идеи христіанства путемъ литературныхъ выходокъ и прямымъ насиліемъ надъ совѣстію вѣрующихъ, и утвердить на-мѣсто христіанства свои догмы или ученія: вотъ задачи ихъ философіи и дѣятельности, производившихъ такія волненія умовъ въ Церкви и видимо разрушавшихъ покой христіанства... Не смотря на все это Климентъ нигдѣ въ своихъ сочиненіяхъ не раздражается противъ нихъ проклятіями; нигдѣ не вооружается ѣдкими и колкими сарказмами; нигдѣ не обнаруживаетъ придирчивости или неуваженія къ ихъ личностямъ, и проч... Опровергая Василида, Валентина и другихъ, онъ борется не съ ними собственно, а съ тѣми ложными идеями и убѣжденіями, кои они проповѣдуютъ, и, щадя убѣжденія ихъ — какъ убѣжденія, ведетъ борьбу такъ, что — какъ-бы сознание и совѣсть противниковъ сами говорятъ противъ самихъ же себя. Мало этого: какъ истинный электикъ, Климентъ не только признаетъ у нихъ серіозныя знанія, начала доброй нравственности, свѣтлыя идеи педагогіи и вообще основательныя убѣжденія теоретическія и практическія; но даже заимствуется у нихъ всеѣмъ этимъ съ особенною пользою для христіанства. У гностиковъ беретъ онъ понятіе гносиса и

Логоса; у греческихъ философовъ заимствуетъ педагогическія и другія знанія, у всѣхъ находитъ откровеніе одного и того же свѣта — Слова Божія. Въ такомъ духѣ идетъ къ своей цѣли Климентъ, и мы, стало быть, не должны удивляться тому громадному, магическому вліянію, какое онъ имѣетъ надъ своими слушателями и вообще надъ современнымъ мнѣніемъ общественнымъ...

Для сужденій по второму положенію — вспомнимъ о всеобщей жадѣ знанія и видимой неудовлетворительности одною простою вѣрою, жадѣ и неудовлетворительности, охватившихъ весь христіанскій міръ того времени и — какъ-бы въ жизненномъ центрѣ своемъ сосредоточившихся особенно въ пытливой и любознательной христіанской Александриі... Завоевывая міръ, христіанство не могло однимъ, такъ скажемъ, взмахомъ своимъ пересоздать душу міра, перетворить нажитыя вѣками и тысячелѣтіями убѣжденія, наклонности и, словомъ, культуру міра; не могло сразу же отрѣшить міръ отъ его завѣтнаго прошедшаго, сразу же перенести его съ земли на небо. Насилія не въ духѣ христіанства. Вотъ почему въ то самое время, когда міръ кажется намъ столько близкимъ и покорнымъ духу христіанства, въ глубинахъ міра или на днѣ его долго еще таятся завѣтные интересы его прошедшаго, интересы со всею силою готовые проторгнуться наружу и открыто заявить о себѣ при первомъ же движеніи или приливѣ къ христіанству новыхъ силъ міра. Такъ и случилось въ христіанствѣ къ концу второго и въ началѣ третьяго вѣка. Значительныя обращенія мудрецовъ и философовъ языческихъ, воплощавшихъ въ себѣ идеи культуры и образованія міра, вызываютъ наружу истлѣвавшія уже въ христіанствѣ силы міра

и, соотвѣтственно своему духу, даютъ этимъ силамъ одно общее направленіе — стремленіе къ знаніямъ, къ философіи, къ наукѣ. Вопросъ поставленъ былъ, очевидно, прямо и рѣшительно, и нужно было стѣснѣть отвѣчать на него. Климентъ признаетъ права и требованія міра; даетъ цѣну положительнымъ или добрымъ началамъ его и, объединяя вѣру съ знаніемъ или христіанство съ философіей, даетъ внутренній миръ міру Церкви или христіанскому!...

Счастливая Александрія! Въ ней за Климентомъ слѣдуетъ Оригенъ...

Г. Дѣтскій.

3-е ПОУЧЕНИЕ КЪ ПРОСТОМУ НАРОДУ

О СОСТРАДАНИИ КЪ ЖИВОТНЫМЪ *).

Два раза говорилъ я вамъ, братія мои, о состраданіи къ животнымъ, а не объяснилъ, что значить это состраданіе, какими дѣлами должно выражаться оно. Но изъ того, что было сказано мною, вы отчасти могли понять это. Остальное, думалъ я, доскажетъ вамъ доброе христіанское сердце ваше.

Да, доброе сердце вмѣстѣ съ доброю совѣстію дѣлаютъ много добра на свѣтѣ. Иной и не много знаетъ, но съ добрымъ сердцемъ дѣлаетъ больше добра, чѣмъ многосвѣдущій, у котораго чорствое сердце. *Добрый человекъ изъ добраго сокровища сердца своего выноситъ доброе* (Лук. 6, 45), говоритъ всеблагій Спаситель. Добрый христіанинъ хочетъ и старается о томъ, чтобы не ему одному было хорошо жить на свѣтѣ, но и всему, что вокругъ него живетъ. Ему радостно, когда другіе радуются; онъ скорбитъ, когда страдаетъ не только онъ самъ, но и его собратья и всякое живое твореніе, служащее человѣку на пользу. Онъ готовъ

*) 1-е поученіе помѣщ. въ № 23 Хер. Епар. Вѣд., 2-е въ № 24 прошлаго 1864 года.

обнять и вмѣстить въ своемъ добромъ сердцѣ весь міръ Божій.

Но такъ ли легко имѣть доброе сердце, какъ легко говорить о немъ? О, еслибы это было легко, то не было бы нужды и учить насъ много добру, и не было бы въ мірѣ того зла, которое дѣлаютъ люди. Ибо корень всего зла въ нечистомъ и зломъ сердцѣ: *изъ сердца исходятъ злыя помыслы, убійства, прелюбодѣнія, любодѣнія, кражи, лжесвидѣтельства, хуленія* (Мат. 15, 19), говоритъ *кроткій и смиренный сердцемъ* Спаситель нашъ. *Всякъ* изъ насъ, по ученію слова Божія, *помышляетъ въ сердце своемъ прилежно на злая по вся дни* (Быт. 6, 5). Иной, по видимому, и добръ; но его такимъ считаютъ потому, что онъ не дѣлаетъ зла. А дѣлаетъ ли онъ добро, чтобы быть истинно-добрымъ? Другой горячится и обижаетъ, а потомъ, стыдясь совѣсти, старается загладить свою вину. Мы и тому рады, и называемъ его добрымъ. А всякъ больше добръ для себя, но не для другихъ. Не такую доброту заповѣдуетъ намъ Господь. Христіанская доброта ищетъ не своихъ выгодъ, а пользы и счастья ближняго. А всеблагій Господь такъ устрояетъ, что изъ пользы, которую мы хотѣли оказать ближнему, выходитъ добро и для насъ. Мы должны учиться этой добротѣ: *любовь, правда и милость* — вотъ ея плоды! Она простирается и на животныхъ. И если наше недоброе сердце не можетъ научить насъ, какими дѣлами должна обнаруживаться въ насъ эта любовь, правда и милость въ отношеніи къ животнымъ, то послушаемъ покрайней мѣрѣ внушеній здраваго смысла, руководимаго св. вѣрою Христовой.

И такъ, что значитъ быть сострадательнымъ къ животнымъ?

Состраданіе болѣе или менѣе понятно всякому, кто терпѣлъ скорби и горе и видѣлъ въ это время вниманіе людей къ своей долѣ. Поэтому намъ нужно вспомнить и представить людскія скорби, сравнить съ ними страданія животныхъ, — и мы легко поймемъ, чѣмъ должно выражаться состраданіе къ низшимъ насъ тварямъ.

Представьте себѣ, братія мои, что васъ непріатели взяли въ плѣнъ и продали васъ въ рабство. На васъ наложили тяжкій трудъ, превышающій ваши силы. Вы однакоже тянетесь изъ послѣднихъ силъ, чтобы исполнить назначенныя вамъ работы. Ваши силы ослабѣваютъ; вамъ нуженъ хоть краткій отдыхъ, чтобы перевести дыханіе: но вашему тѣлу угрожаетъ висящій надъ головою бичъ. Васъ не щадятъ ни въ какую погоду. Вы не слышите ласковаго слова; на васъ сыплются только брань и ругательства. Васъ утѣшаетъ надежда на хорошій кормъ и теплый ночной пріютъ, но напрасно! Хозяева ваши объ этомъ не заботятся: вамъ съ презрѣніемъ бросаютъ что-то похожее на хлѣбъ, ваша одежда вся въ лохмотьяхъ, нечѣмъ прикрыть наготу, нечѣмъ согрѣться! Тяжело ваше положеніе. Много пользы получаютъ хозяева отъ вашихъ тяжкихъ трудовъ, а не жалѣютъ васъ. «Какіе безжалостные, какіе жестокие хозяева!» сказалъ бы всякій посторонній человѣкъ, видящій ваше горе: «такая жизнь хуже смерти»!

Не такъ же ли жестоко поступаютъ и тѣ хозяева, которые не имѣютъ сожалѣнія къ рабочему скоту, — наваливаютъ на него тяжкія работы, превышающія его силы, а кормятъ плохо и содержатъ нечисто и небрежно. Между тѣмъ самое простое чувство справедливости требуетъ, чтобы, получая пользу отъ рабочаго животнаго, мы не только не

подвергали его незаслуженнымъ истязаніямъ, но и берегли его силы и хорошо кормили его.

Знаю, братія мои, что многіе изъ васъ сами не имѣютъ хорошаго крова и вкусной пици. «Гдѣ тутъ думать о скотинѣ, скажете вы, когда и самъ иногда голодаешь»? Скорблю объ васъ, братія; но какъ вспомню, сколько трудовой копѣйки вашей уходитъ на хмѣльные напитки, то и думаю, что бѣдность многихъ происходитъ отъ неблагоразумія и невоздержанія.

Представьте себѣ еще, брат. мои, что малолѣтнее дитя ваше безсознательно и ненамѣренно сдѣлало какой-либо вредъ вашему сосѣду, — и онъ, давъ волю своему гнѣву и мщенію, окалѣчилъ несмыслящаго младенца. Какимъ жестокимъ варваромъ назвали бы вы вашего недобраго сосѣда! А не тоже ли, или не подобное ли дѣлаютъ тѣ, которые калѣчатъ рабочую скотину, забравшуюся въ огородъ ихъ или потравившую ихъ посѣвы? Имѣйте состраданіе къ животнымъ. Прогоните ихъ, но не бейте: ибо они ничего не понимаютъ; питаюсь на вашихъ посѣвахъ, они не знаютъ, что этимъ причиняютъ убытки и вредъ вашему хозяйству. Взыщите съ хозяина, который не смотритъ за своими животными.

Представьте себѣ и такое несчастіе: въ глухой незнакомой вами степи застигла васъ мятель; вы бредете, куда глаза глядятъ, но ваши силы слабѣютъ; вдали ничего не видно, вамъ угрожаетъ смерть; на помощь нѣтъ надежды. Но вотъ въ неясномъ туманѣ видится вамъ, что кто-то ѣдетъ вамъ на встрѣчу. Ваши силы оживаютъ, вы съ нетерпѣніемъ ждете помощи. Къ вамъ приблизились, — вы бросились съ мольбою о избавленіи отъ бѣды; но вамъ

ничего не отвѣтили и равнодушно проѣхали мимо васъ ; проѣзжимъ некогда заниматься вашимъ горемъ : они спѣшатъ по своимъ дѣламъ. «Какіе безжалостные, какіе жестокіе!» скажете вы. «Нѣтъ въ нихъ ни капли состраданія къ несчастію ближняго!» Справедливо ли обижаться ихъ равнодушіемъ? Вѣдь они не сдѣлали вамъ никакого зла? «Нѣтъ, скажете вы, они злы, потому что не сдѣлали намъ добра въ нашемъ несчастіи!» А не такъ ли поступаете вы, братія, когда молча проходите мимо нещадно біющихъ рабочихъ скотъ? Вы тоже думаете, что вамъ нѣтъ дѣла до чужой скотины, что пусть хозяева сами берегутъ свое добро. Нѣтъ, вы въ такомъ случаѣ безжалостные люди. Вашего молчанія нельзя оправдать. Ваше дѣло остановиться и вразумить жестокаго собрата и избавить отъ угнетенія животное. Не оправдывайтесь тѣмъ, что не послушаетъ вашего слова, что брань и ругательства, которыми онъ сопровождаетъ бичеваніе животного, посыпятся и на васъ. Не будьте слишкомъ самолюбивы. Брань неразумнаго человѣка не должна оскорблять васъ : она не можетъ лишить васъ чести, — и, безъ сомнѣнія, не причинить вамъ такой боли, какую терпитъ бѣдное животное. Вы боитесь, что онъ васъ не послушаетъ. Но если одинъ добрый человѣкъ вступится за угнетаемое животное, другой прибавитъ отъ себя слово вразумленія, третій не пройдетъ молча ; тогда жестокой по неводѣ подумаетъ и поразмыслитъ о своей жестокости.

Вы скажете : люди — не животные, и скорби людскія не то, что страданія безмысленной твари. Вы правы, но не совсѣмъ. Если хотите быть сострадательными къ людямъ, то будьте такими и къ животнымъ. Есть и у человѣка

много тѣлесныхъ страданій; въ сострадательной помощи часто нуждается животная сторона его природы. Заботясь о своихъ тѣлесныхъ нуждахъ, не забудьте и нужды животныхъ, имѣющихъ подобное вашему тѣло. У человѣка есть разумъ, который часто можетъ помочь ему въ бѣдѣ; у него есть языкъ, которымъ онъ можетъ высказать свое горе и вымолить состраданіе ближнихъ; у него есть нѣкоторая свобода, чтобы иногда избавиться отъ гнета своихъ собратій. Животное лишено всего этого. Оно все въ нашихъ рукахъ; трудится для насъ и страдаетъ, не говоря намъ о своемъ страданіи и не имѣя силъ избавиться отъ нашей жестокой власти. Не заслуживаетъ ли оно по этому состраданія и жалости?

Мы не оспариваемъ права и власти человѣка надъ животными. Эта власть дана намъ самимъ Творцемъ. Мы имѣемъ право пользоваться ихъ трудомъ и питаться ихъ тѣломъ. Но этимъ правомъ нужно пользоваться разумно и сострадательно. Пользуясь трудомъ животныхъ, мы должны заботиться и объ ихъ благѣ, какъ разумные о неразумныхъ. При самомъ умерщвленіи животныхъ должно заботиться о томъ, чтобы они какъ можно менѣ страдали.

Вы легко могли понять, братъ, что все сказанное мною относится главнымъ образомъ къ рабочимъ и домашнимъ животнымъ, служащимъ на пользу человѣка. Животныя дикія менѣ подвластны теперь человѣку, и потому менѣ испытываютъ его жестокость. Отецъ нашъ небесный даровалъ имъ жизнь, указалъ имъ мѣсто въ великомъ мірѣ Своемъ и питаетъ ихъ. Но если человѣкъ и на нихъ простираетъ власть свою, то и они имѣютъ право на состраданіе. Нашъ законъ, водясь этимъ добрымъ чувствомъ,

запрещаетъ на прим. губить животныхъ весною, когда все въ мірѣ Божіемъ разцвѣтаетъ и все живое чувствуетъ великое благо жизни. Правда, есть животныя, приносящія вредъ человѣку и истребляющія плоды его тяжкихъ трудовъ. Такихъ животныхъ нужно истреблять; но это истребленіе ихъ, какъ дѣло необходимости, не должно развивать въ насъ жестокости. Нужно, по возможности, скоро прекращать жизнь ихъ. Дѣло недостойное христіанина — умышленно длить страданія умерщвляемыхъ животныхъ и, такъ сказать, находить удовольствіе и наслажденіе въ мукахъ ихъ. Такая жестокость приноситъ горькіе плоды въ нравственной жизни человѣка вообще. Объ этомъ я побесѣдую съ вами, братія, въ другой разъ. А теперь кратко повторю сказанное мною сегодня.

Больше всего имѣютъ права на состраданіе животныя рабочія и домашнія, служащія на пользу человѣка. Это состраданіе требуетъ:

1) Чтобы мы не обременяли ихъ работами, превышающими ихъ силы и изнуряющими и сокращающими ихъ жизнь.

2) Чтобы, питаясь ихъ работами и самою плотію, давали имъ по возможности добрый кормъ и пріютъ и смотрѣли за чистотою ихъ.

3) Чтобы не мучили ихъ побоями и бичеваніемъ, когда видимъ, что у нихъ недостаетъ силъ для тяжелой работы.

4) Чтобы не проходили равнодушно и молчаливо, когда видимъ, что другіе жестокіе собратія наши немилосердо тиранятъ творенія Божіи.

5) Не нужно быть жестокимъ и въ отношеніи къ дикимъ животнымъ.

Благодать и милость Божія да пребудеть съ вами и да вселить въ сердца ваши милосердіе и благодать не только къ собратіямъ нашимъ о Христѣ, но и ко всякому живому творенію Божію! Аминь.

4-е ПОУЧЕНИЕ О СОСТРАДАНИИ КЪ ЖИВОТНЫМЪ.

Не поскучайте, брат. мои, если я еще предложу вамъ слово о состраданіи къ животнымъ. Это будетъ послѣднее слово мое объ этомъ предметѣ. Дай Богъ, чтобы мои слова принесли для васъ пользу, и чтобы не было болѣе необходимости говорить вашей любви объ одномъ и томъ же дѣлѣ.

До сихъ поръ я говорилъ вамъ больше о животныхъ, старался возбудить въ васъ чувства сожалѣнія къ угнетаемымъ людьми твореніямъ Божиимъ, показать права животныхъ на состраданіе наше. Теперь обращаю вниманіе и на васъ самихъ, хочу показать вамъ тотъ вредъ, какой терпите вы отъ жестокаго обращенія съ животными и ту пользу, какой можно ожидать отъ сострадательнаго обращенія съ ними.

Не мѣсто и не время объяснять вамъ этотъ вредъ и эту пользу въ хозяйственномъ отношеніи. Пусть опытные и добрые хозяева расскажутъ вамъ, что наприм. хорошо содержимое животное и больше тяжести повезетъ, и скорѣе сдѣлаетъ свое дѣло, и больше доставитъ вамъ самимъ пищи, нежели исхудалое, обезсиленное, изнуренное худымъ кормомъ и чрезмѣрными работами животное. Если же у

нашихъ хозяевъ мало знанія и опытности въ этомъ дѣлѣ, то послушайте людей умныхъ, бывшихъ въ чужихъ краяхъ, гдѣ давно заботятся о рабочей скотинѣ и перепробовали всѣ возможные средства, чтобы по-больше приобрести отъ нея пользы.

Моя мысль занята теперь другою пользою и другимъ вредомъ, гораздо важнѣйшими пользы и вреда хозяйственнаго. Теперь, какъ и всегда, у меня лежитъ на сердцѣ дума и забота о пользѣ и вредѣ для вашей души.

Вы подумаете: «что можетъ быть общаго между заботой о скотинѣ и заботой о душѣ человѣческой и христіанской? И неужели недостатокъ состраданія къ животному можетъ губить душу христіанскую, или ласковое обращеніе съ нимъ можетъ помогать дѣлу спасенія души нашей?»

Да, братія мои, тотъ очень ошибается, кто думаетъ, что всѣ наши нравственныя обязанности относятся только къ подобнымъ намъ по природѣ людямъ. Нельзя считать добродѣтельнымъ и близкимъ ко спасенію того человѣка, который не грабитъ, не притѣсняетъ, не обижаетъ своего ближняго, а не считаетъ себя обязаннымъ быть сострадательнымъ и къ животнымъ, разумно и честно обращаться и съ неразумными тварями Божиими. *Господня земля и исполненіе ея*, (Пс. 23, 1), говоритъ св. царь Давидъ, т. е. Господу Богу принадлежитъ земля и все, что ее наполняетъ. Если Господь *поставилъ* человѣка *надъ дѣлы руку Своею, вся покорилъ подъ нозъ его, овцы и волы вся, еще же и скоты полевые, птицы небесныя и рыбы морскія* (Пс. 8, 7. 8. 9): то человѣкъ долженъ быть честнымъ и разумнымъ приставникомъ Божія добра. Взыщеть

съ насъ Господь и за обиженную скотину, какъ взыскиваетъ домовладыка съ неправеднаго управителя, расточающаго добро его.

Но, кромѣ того сомнительна добродѣтель и къ ближнему того человѣка, который жестокъ къ животнымъ. Жестокій съ животными почти всегда бываетъ жестокъ и съ людьми. Отъ чего такъ? Отъ того, что добрыя или худыя расположенія образуются въ нашей душѣ отъ обращенія не съ одними людьми, но и со всеѣмъ, что насъ окружаетъ. И добродѣтельный человѣкъ является добрымъ не къ однимъ людямъ, но и ко всему, къ чему прикасается рука его. Такъ мы созданы, что преуспѣваемъ въ добрѣ или злѣ подъ вліяніемъ всего, что насъ окружаетъ, и въ свою очередь являемся добрыми или злыми ко всему, среди чего живемъ. Не напрасно Господь поселилъ насъ на землѣ, далъ нашей разумной душѣ тѣло, нуждающееся въ пособіи земныхъ тварей. Не напрасно милосердый Господь оставилъ насъ на землѣ и тогда, когда мы осквернили ее своими грѣхами, подвергли ее проклятію Божію и всю земную тварь повинули суетѣ и тлѣнію. Эта, все еще прекрасная, земля съ своими живыми существами, должна быть для насъ какъ бы училищемъ, въ которомъ мы научились бы и каяться въ своихъ грѣхахъ и преуспѣвать въ добродѣтели и благочестіи. Не на воздухѣ, не въ облагахъ воспитываемся мы для будущаго славнаго царствія Божія, а на той-же землѣ, на которой Господь посадилъ и невиннаго праотца нашего Адама. *По обѣтованію Божію, мы ожидаемъ новаго неба и новой земли, на которыхъ обитаетъ правда* (2 Петр. 3, 13). А чтобы быть достойными жить на этой новой землѣ правды, нужно здѣсь учиться правдѣ,—

быть справедливыми не только въ отношеніи къ людямъ, но и въ отношеніи къ совоздыхающимъ съ нами тварямъ, которыя, по ученію св. апостола, также *освободятся нѣкогда отъ работы истлѣнія въ свободу славы чадъ Божиихъ*. Кто не любитъ этой правды, не старается воспитать ее въ своемъ сердцѣ; тому не будетъ мѣста въ царствѣ Божіемъ, царствѣ правды, мира и любви, тому мѣсто въ царствѣ злобы, мученій и неправды, гдѣ обитаетъ діаволь, олицетворенная *ложь и отецъ лжи*.

И такъ, братія мои, учитесь правдѣ не только въ жизни семейной и общественной, но и въ отношеніяхъ вашихъ ко всему окружающему васъ. Я сказалъ: *жестокій съ животными почти всегда бываетъ жестокъ и съ людьми*. Въ этомъ вы можете удостовѣриться изъ опыта. Посмотрите на этихъ жестокихъ наемниковъ, которымъ хозяева ввѣряютъ свою рабочую скотину для заработковъ. Вотъ они небрежно возсѣдаютъ на своихъ повозкахъ, вооружены бичемъ, животныя несутся изо всѣхъ силъ, чувствуя злобу управляющихъ ими, но это не спасаетъ ихъ отъ ударовъ, часто падающихъ на нихъ безъ всякой вины. Всмотритесь въ выраженія лицъ этихъ возничихъ, вы не найдете въ нихъ мягкой черты и кроткаго взгляда. Попытайтесь заговорить съ ними, хоть въ ту пору, когда они безъ всякой причины бьютъ бѣгущее животное. Вы услышите иногда такія слова, которыя показываютъ въ нихъ оскудѣніе всякаго добраго чувства человѣческаго, а тѣмъ болѣе христіанскаго. Слѣдите за ними дальше. Послушайте бесѣды ихъ между собою и съ другими посторонними людьми. Не удивляйтесь чорствости и грубости ихъ сердца. Это еще малое зло. Сколько злобы, жестокости и безчеловѣчія выска-

зываютъ они тогда къ людямъ, положеніе которыхъ чѣмъ-либо завидно для нихъ! А не дай Господи, оскорбить ихъ! Имъ не страшно совершить жестокое мщеніе! Не уважаютъ они жизни въ животномъ, не дорожатъ жизнію и человѣка, ибо мало отличаютъ его отъ животнаго. Люди, съ участіемъ изучающіе исторію жизни преступниковъ, съ скорбію замѣчаютъ, что многіе изъ грабителей и убійць дошли до своего страшнаго ремесла послѣ жестокаго обращенія съ невинными животными. Какъ, послѣ этого, неосторожно и даже преступно поступаютъ тѣ родители, которые хладнокровно допускаютъ и даже дозволяютъ своимъ малымъ дѣтямъ травить наприм. кошку съ собакой, мучить малыхъ птицъ, тиранить ради собственнаго удовольствія домашнихъ животныхъ! Пусть не жалуются они, если ихъ дѣти, пришедши въ возрастъ, будутъ презрительно смотрѣть и на жизнь своихъ родителей. Пусть не обижаются, а поплачутъ на себя самихъ, если дитя ихъ пойдетъ погибельнымъ путемъ и броситъ безъ всякой помощи старческую ихъ немощь. Нѣкогда они сами поощряли въ своихъ дѣтяхъ жестокость!

Да, великъ вредъ для души отъ жестокаго обращенія съ животными! И наоборотъ, велика можетъ быть польза для души отъ состраданія къ нимъ. Кому жаль и совѣстно обижать животное, для того еще тяжелѣе обидѣть человѣка. Я говорю впрочемъ о тѣхъ людяхъ, которые питаютъ состраданіе къ животнымъ не по одной природной кротости своего характера, или по привычкѣ къ извѣстнымъ животнымъ, а о тѣхъ, которые живутъ разумно, дѣлаютъ добро сознательно и обдуманно, жалѣютъ животныхъ потому, что видятъ въ нихъ творенія Божіи, созданныя для наслажденія

своею жизнію и для служенія пользѣ чловѣка, а не его страстямъ, или неразумнымъ и жестокимъ прихотямъ. Бываетъ къ сожалѣнію между людьми и такъ, что они болѣзненно стенають надъ умирающимъ животнымъ, а безжалостно прогоняють отъ себя людей несчастныхъ и не заболить у нихъ сердце при видѣ честнаго работника, испускающаго духъ свой въ тяжкихъ мукахъ болѣзни, усугубляемыхъ сознаниемъ, что онъ оставляетъ свое малолѣтнее семейство безъ куска хлѣба. Такое состраданіе къ животнымъ не заслуживаетъ похвалы, — потому что оно не разумно; а не разумно потому, что не соединено съ состраданіемъ къ лучшему существу, христіанину, брату по природѣ и присному по вѣрѣ во Христа Спасителя. А что не разумно, то и не добродѣтель; ибо доброе дѣло совершается съ сознаниемъ, что оно добро, по доброй волѣ и по совѣсти. Лучше обратимъ, брат. мои, вниманіе на добраго, честнаго, уважаемаго домохозяина. Посмотрите, какъ все у него въ согласіи и порядкѣ. Слова его обдуманы и толковы; что говоритъ онъ, то и дѣлаетъ; не предается онъ вспышкамъ неразумнаго гнѣзда и досады не только въ отношеніи къ людямъ, но и къ домашнимъ животнымъ. Онъ цѣнитъ труды ихъ, самъ не обижаетъ ихъ и смотритъ, чтобы и домашніе его не мучили ихъ. За то и *волъ знаетъ стяжавшаго его* добраго хозяина и *оселъ ясли господина своего* (Иса. 1, 3). *И егда пастырь своя овцы ижденетъ, предъ ними ходитъ, и овцы по немъ идутъ, яко въдятъ гласъ его. По чуждему же не идутъ, но бѣжатъ отъ него, яко не знаютъ чуждаго гласа* (Іоан. 10, 4. 5). Выходитъ добрый хозяинъ къ своимъ домашнимъ животнымъ, и они привѣтливо его встрѣчаютъ, каждое выражаетъ

радость, какъ можетъ и умѣть. Такой человѣкъ встрѣчаетъ радостный приемъ и между людьми; потому что, разумно милуя животныхъ, онъ тѣмъ болѣе уважаетъ своихъ собратій — людей и далекъ отъ всякой мысли и намѣренія вредить благу ихъ жизни. Кротость къ животнымъ научила его быть тѣмъ болѣе добрымъ къ людямъ.

И такъ, братія мои, кроткое обращеніе христіанина съ животными служить знакомъ доброй души его. Эту истину признавали еще въ глубокой древности. Въ Свящ. Писаніи изображается такой случай: Праведный Авраамъ былъ озабоченъ судьбою единственного сына своего Исаака, дарованнаго ему Богомъ тогда, когда люди уже не надѣются имѣть дѣтей. Желая охранить своего возлюбленнаго сына отъ несчастій супружескихъ и семейныхъ, онъ заглинаетъ своего вѣрнаго слугу найти добрую невѣсту для Исаака. Между дочерьми идолопоклонниковъ — Хананеянъ, среди которыхъ жилъ праведный патріархъ, онъ не могъ найти достойной, и потому посылаетъ слугу своего въ ту землю, изъ которой онъ самъ вышелъ по повелѣнію Божию, гдѣ жили его родственники и гдѣ хранились еще добрые нравы и благочестіе. Отправляется Елеазаръ (такъ звали слугу Авраама) въ ту страну. По любви и уваженію къ своему праведному хозяину, онъ хотѣлъ бы устроить это дѣло какъ можно лучше. Но какъ найти добрую невѣсту? Какъ узнать ее? Вѣдь зло живетъ и между добрыми людьми; и въ благочестивомъ семействѣ бываютъ недостойные члены. Обращается Елеазаръ съ молитвою къ Богу, чтобы Онъ всеблагій Самъ указалъ искомую невѣсту. Но замѣьте, братія, какимъ признакомъ слуга Авраамовъ желаетъ удостоиться въ Божіемъ избраніи? «Господи Боже Авраамовъ,

такъ молится Елеазарь, — Самъ Ты благоустрой мое дѣло. Вотъ я стою у колодезя, и дочери жителей этого мѣста выходятъ сюда черпать воду. Я буду у нихъ просить напиться; да будетъ же невѣстой Исаака та, которая напоить не только меня, но и моихъ верблюдовъ». Еще не окончилъ Елеазарь своей молитвы, какъ вышла къ колодезю одна дѣвица, по имени Ревекка, и почерпнула воды. Елеазарь попросилъ у нея напиться. Ревекка учтиво поднесла ему водоносъ свой и сказала: «пей, господинъ мой, а я налью верблюдамъ твоимъ, пусть и они напьются». Уразумѣвъ по этому Елеазарь, что Ревекка Самимъ Богомъ избирается невѣстой Исааку, объяснилъ это родителямъ ея, и они не смѣли противиться волѣ Божіей. Ревекка сдѣлалась достойною женою праведнаго Исаака! Елеазарь не ошибся, что та, которая оказала состраданіе уставшему отъ пути чужому скоту, будетъ доброю супругою, матерію и вообще добродѣтельною женщиною! (Быт. гл. 24).

Кто изъ васъ, брат. мой, не желаетъ добра своимъ дѣтямъ? А если хотите, чтобы они были добры, вротки, сострадательны къ людямъ, чего необходимо желать для ихъ собственнаго блага и блага нашихъ христіанскихъ обществъ; то учите ихъ состраданію къ животнымъ, удаляйте отъ нихъ всѣ случаи, могущіе привести ихъ къ жестокости. И сами устройте вашу домашнюю жизнь такъ, чтобы дѣти ваши видѣли добрый примѣръ въ вашихъ собственныхъ дѣлахъ. Будьте сами сострадательны къ животнымъ, такъ же какъ честны, правдивы и обходительны съ людьми.

Въ словѣ Божіемъ, передается въ наученіе наше еще одинъ поразительный случай, изъ котораго видно, что всеблагій Господь оказываетъ снисхожденіе къ грѣшнымъ людямъ

ради невинныхъ животныхъ. Было нѣкогда славное, богатое и обширное царство Ассирійское. Великъ былъ городъ, въ которомъ жилъ царь того царства; но велики въ немъ были и беззаконія. Господь Богъ посылаетъ въ Ниневію (такъ назывался тотъ городъ) пророка Іону возвѣстити жителямъ, что за тяжкія беззаконія ихъ городъ чрезъ три дня будетъ разрушенъ. Три дня обходилъ пророкъ Божій по улицамъ города съ грознымъ словомъ Господнимъ. Узнавъ объ угрожающемъ несчастіи, царь облекся въ рубище въ знакъ раскаянія и заповѣдалъ постъ не только для людей, но и для скота. *И облекошася во вретнице чловѣцы, говорятъ слово Божіе, и скоти возопиша прилежно къ Богу* (Іон. 3, 8). А пророкъ Іона за городомъ, въ тѣни подъ тыквою сидитъ и ждетъ исполненія грознаго приговора Божія. Но Господь помиловалъ городъ. Опечалился пророкъ и проситъ себѣ смерти. По повелѣнію Божію тыкву подтачиваетъ червь, и она изсыхаетъ. Скорбитъ пророкъ о погибшей тыквѣ. А Господь вразумляетъ его такъ: «ты жалѣешь о тыквѣ, надъ которою ты не трудился и которую не растилъ. Мнѣ ли не пожалѣть Ниневіи, сего большого города, въ которомъ болѣе ста двадцати тысячъ чловѣкъ, не умѣющихъ отличать правой руки отъ лѣвой (т. е. младенцевъ) и множество скота!» (Іон. 4, 14). И такъ невинныя дѣти, которыхъ вы иногда презираете, и скотъ, къ которому вы такъ жестоки бываете, склонили правосуднаго Господа Карателя на милость и спасли отъ гибели цѣлый большой развращенный городъ! Какъ же не быть сострадательными къ животнымъ намъ, если Господь ихъ жалѣетъ? Какъ не миловать намъ ихъ, если Господь милуетъ насъ грѣшныхъ ради ихъ невинныхъ?

Братія мои! Я вижу, что среди васъ нѣтъ почти, или весьма мало тѣхъ, къ которымъ по-преимуществу относится слово мое. Вотъ и оправдываются слова мои на дѣлѣ, что жестокиѣ къ животнымъ близки къ погибели нравственной. Они жестоки и къ людямъ, небрегутъ о пользѣ собственной души. Въ то время, когда добрые христіане молятся Господу, благодарятъ всеблагаго Бога за неисчетныя благодѣянія Его къ намъ, просятъ небеснаго благословенія на честные труды свои, жестокиѣ къ животнымъ, собратія наши предаются или сну, или пиянству. И бывають ли они когда-либо въ храмѣ Божіемъ? И готовы ли послушать съ покорной душою наставленія евангельскія?

Не презирать ихъ должны мы, а пожалѣть. Слова мои не лишни и для васъ, братія, но особенно необходимы для нихъ. И такъ, по любви христіанской напомните тѣмъ изъ нихъ, съ которыми вы знакомы и встрѣтитесь, напомните объ ихъ христіанскихъ обязанностяхъ. Скажите имъ, что священникъ говорилъ въ храмѣ Божіемъ о томъ, что слово Божіе запрещаетъ угнетать животныхъ, что угнетеніе ихъ дѣлаетъ самого человѣка жестокимъ къ людямъ и приводитъ его къ погибели душевной. Помните и исполняйте наставленіе св. апостола: *будемъ внимательны другъ къ другу, поощряя къ любви и добрымъ дѣламъ* (Евр. 10, 24).

Милость и благословеніе Божіе да почіетъ на васъ во всѣ дни вашей жизни! Аминь.

Свящ. М. Чемена.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Успѣхи забайкальскихъ миссіонеровъ. — Народныя читальни.

Въ № 6 «Иркутскихъ епархіальныхъ вѣдомостей» сообщено объ успѣхахъ забайкальскихъ миссіонеровъ слѣдующее:

«Миссіонеромъ іеромонахомъ Θεодосіемъ въ 1864 году просвѣщены св. крещеніемъ Буряты, вѣдомства кударинской степной думы: 1 чернорудскаго рода, Мосоръ Мохохановъ, нареченный Филиппъ, 36 лѣтъ; Мамки, въ крещеніи Екаторина, 1 года; Алексѣй Хадеевъ, нареченный Іоаннъ, 28 лѣтъ; и ильинской волости, Колесовскаго селенія поселенецъ изъ магометанъ Ахметъ, нареченный Петръ, 55 лѣтъ.

«Миссіонерами, іеромонахами забайкальской миссіи Мелетіемъ и Платономъ въ 1864 г. просвѣщено св. крещеніемъ Бурятъ вѣдомства кударинской степной думы 147 муж. пола и 49 жен. пола, и ольховскаго вѣдомства 4 муж. пола; всѣхъ — 200 человекъ, да одинъ еврей кударинскаго селенія Исай 16 лѣтъ, нареченный Симеонъ.

«Миссіонеромъ іеромонахомъ Антоіемъ просвѣщено св. крещеніемъ Ороочоновъ баргузинскаго вѣдомства чильчагирскаго 1-го и 2-го родовъ, муж. пола 14 и женскаго 28, обоого — 42 человекъ».

— «Въ газетѣ «Кіевлянинъ» г. Саковичъ сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о распространеніи народныхъ читаленъ въ селахъ радомысльскаго уѣзда. По настоящее время въ этомъ уѣздѣ имѣются читальни при пяти народныхъ и при двадцати пяти церковно-сельскихъ школахъ. Во всѣхъ этихъ тридцати читальняхъ находится русскихъ книгъ и брошюръ всего 4,039; около половины этого числа — экземпляры въ русскомъ текстѣ. Всѣ эти образовательныя для народа средства накопились въ теченіе прошлаго года изъ пожертвованій частныхъ лицъ. Г. Саковичъ, завѣдывающій сборомъ пожертвованій и респредѣленіемъ ихъ по сельскимъ школамъ радомысльскаго уѣзда, чрезвычайно доволенъ результатомъ, — да и нельзя быть недовольнымъ. Правда, опыты показываютъ, что ни одно дѣло, вполнѣ зависящее отъ частной благотворительности, не стоитъ прочно; но въ такомъ дѣлѣ, какъ развитіе въ народѣ потребности къ образованію, важнѣе уже первый толчекъ, починъ. Частная благотворительность, конечно, никакимъ образомъ не можетъ довольствоваться развившюся уже потребностью въ чтеніи и образованіи; но она можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ возбудить ее. Вотъ, на примѣръ, что рассказываетъ, между прочимъ, г. Саковичъ: «Въ праздничные дни и въ свободное отъ работъ время, старики и взрослые крестьяне собираются теперь не у корчемъ (кабаковъ), какъ сплошь и рядомъ водилось прежде, но у хатъ грамотныхъ людей, чтобъ послушать книжной мудрости. Громада не только внимательно слушаетъ и понимаетъ читанное, но тутъ же восклицаніями и жестами заявляетъ свою радость, что Господь привелъ ихъ дожить до настоящей поры, когда они могутъ удѣлять время на свое образованіе».